

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

**СПАСЕНИЕ ДЛЯ ВСЕХ ИЛИ
ДЛЯ ИЗБРАННЫХ!**

Ответ официального лица

МЕСТО АРМИИ В ОБЩЕСТВЕ

«Круглый стол» военных и ученых

ПОЗИЦИЯ ГРАЖДАНИНА

«Еврейский вопрос» и гласность

ISSN 0320 8001

9/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Впервые

И. ЕПИФАНОВ. МОСКОВСКАЯ КРАСАВИЦА

16

Круглый стол

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

18

Зарубежная командировка

А. СИЛИН. ГОСТИ ЗАМКА ДРОМОЛЕНД

29

Проблемы и суждения

**Л. ГОЗМАН, А. ЭТКИНД. ПОЧЕМУ МЫ НЕ
УЕЗЖАЕМ**

32

Ю. ПЕЛЕХОВА. ЕВРЕИ И «...ВОПРОС»

39

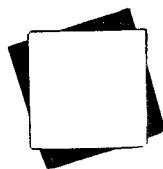
Наши интервью

Л. БОГОРАЗ, С. КОВАЛЕВ. БЕЗ БАРРИКАД

44

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

*«Оборонное сознание» или религия власти?
Заметки культуролога о повторяемости в
российской истории.*

«Уважаемая редакция...»

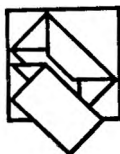
Нынешняя почта спорна. Наши авторы отстаивают свою точку зрения. Редакция постаралась не менять стиль и изложение ими своих мыслей. С некоторыми высказываниями мы можем согласиться, с другими — нет. Но для нас важна истина. А она может выявиться только в результате столкновений различных идей.

Итак, спорь, Читатель!

Провинциальная газета ищет партнера

Прочитал в № 4 подборку материалов «Народная дипломатия — 88» и вспомнился мне один случай. Года два назад просматривали мы с сынишкой (тогда ему было лет шесть) политические плакаты. Быстрехонько мой Антон, не умея толком читать, определял, кто есть кто: это — американец, это — тоже, а это — наш... «Почему ты так считаешь?» — спрашиваю, пораженный, ведь все точно так и было. Оказалось просто: вот этот дяденька со злым лицом и с оружием — значит американец, этот добрый — значит наш. Честное слово, я был сражен такой логикой. В данном случае ответ ясен — Антон успел набраться всего этого, сидя у экрана телевизора. А мы почему-то всегда были уверены, что наш взгляд на границу — это взгляд трезвого человека, самый объективный. Представления самих американцев о нашей стране, если судить по сообщениям прессы и телемодам, много абсурднее. Но именно поэтому их гораздо легче и разрушить. Достаточно, скажем, где-то в Майами-Бич пощупать лоб русского, чтобы убедиться в отсутствии рогов, или взглянуть на ноги (где же лапти?). Разу-

меется, я упрощаю, однако надо видеть, что предубеждения американцев чаще всего связаны с внешней, видимой стороной нашей жизни. Разрушь этот внешний образ врага и неизбежно подвергнется сомнению и представление о внутреннем мире советского человека. Наши же образные клише о жизни за океаном, на мой взгляд, глубже, потому что касаются в основном идеалов американцев. Тут и личные контакты не сразу-то помогут. Внешне все вроде бы так, как описывается — говорится — показывается, а вот каков его американский идеал-идол, это еще надо посмотреть. Чужая душа, ведь как говорится, потемки. Я и сам до последнего времени, например, считал, что парни они (американцы), возможно, и неплохие, свои ребята, одним словом, но движет ими один голый денежный интерес. И раз американец, то стало быть крайний индивидуалист. А вот поехал Алексей Панкин с миссией народной дипломатии в США и увидел другое: «Одной из наиболее привлекательных черт американского образа жизни, — пишет он в журнале, — мне представляется подлинный коллективизм

«настоящей» Америки. Вот так и больше ни меньше — коллективизм. Мы-то наивно полагали, что это достижение нашего образа жизни, это наше и только наше. А нет, оказывается, не только. Спасибо народной дипломатии — рухнул еще один стереотип мышления.

И вообще заметки о советско-американской народной встрече «на высшем уровне» во многом удивительным образом совпали с идеей, которая уже года два вынашивается в коллективе редакции маловишерской районной газеты «За коммунизм». На первый взгляд, она малость утопична, поскольку нарушает установленные каноны в нашей журналистике, хотя с житейской точки зрения ничего особенного тут нет. Мы хотели бы установить контакт с редакцией какой-нибудь местной газеты в США. Любой! Единственное желание — газета должна издаваться для жителей примерно такого же небольшого провинциального города, как и наша Малая Вишера, где живет всего восемнадцать тысяч человек.

Предвижу заранее: кому-то это покажется просто смешным и нелепым — районная газета сотрудничает с прессой США. Так и слышу наяву уверенный голос оппонента: «Кому это нужно? Зачем? Разве нельзя без этого выпускать интересную газету?» Что ж, конечно-конечно, можно, кто же против. Но знаете, ведь это интересно. Бывает же такое — просто интересно. И все — никаких объ-

яснений. Надо познакомить как можно больше наших людей с жизнью за границей. И наоборот. Народная дипломатия должна расширять свою географию. Набирать силу. И ее надо тиражировать, распространять вширь. Сегодняшняя народная дипломатия по большому счету это ведь еще не совсем народная дипломатия — это дипломатия столичной интеллигенции.

Как все это могло бы выглядеть на практике? Тут простор для фантазии. Возможен обмен блоками какой-то информации. Но прежде всего, на мой взгляд, это должен быть политический диалог. Почему бы, допустим, редакторам газет не обсудить тот или иной аспект отношений между нашими странами, а потом не опубликовать этот диалог и тут, и там? Можно, скажем, провести опрос жителей двух городов о жизни в наших странах. А публикации читательских писем, например, под рубрикой — «Взгляд на жизнь в ...?» Обмен фотоматериалами? Словом, форм сотрудничества множество. Главное — необходим контакт. Пусть это будет и не наша газета, другая, но такой информационный мостик нужен. Так может быть с помощью журнала «Век XX и мир» он будет установлен?

Владимир МИХАЙЛОВ,
зав. отделом радиоинформации
районной газеты «За коммунизм»,
г. Малая Вишера Новгородская обл.

Земля — крестьянам

Ваш журнал читаю давно. Издание зубастое. Да и как иначе, если столько лет вязала народу рты оскоми на приторности вперемешку с кнутом. Мне тоже года три назад пришлось вести битву против приписок и жульничества на производстве, которую я, конечно же, проиграл. То-

гда я понял, что и прокуроры, и совдепы были мнения одного: черт с ними, с народными денежками — уцелеть бы нашему брату.

Но это уже история, и я не вспомнил бы о ней, только считая, что служит она мне своеобразной рекомендацией в связи с моим обраще-

нием к вашему журналу. То есть я не из тех тараканов, которые безмятежно, а может, в тревоге отсиживаются по щелям. Было всякое. И инвалидом обещали сделать. Не сделали. Воспитанный родителями в духе советской морали, я тогда подумал: а не влез ли я со своим уставом в чужой монастырь?..

Теперь вот, перестройка. Решено землю отдать народу в аренду. Опять. А может — продать? Такое владение носило бы конкретный характер. В случае чего и разбирательство б попредметней было. У людей вновь появились бы родные гнезда, Родина. А то коротают жизнь: сегодня в селе в развалюхе, завтра в общаге, а кончают в коммуналке или в бетонном ящике без воды, отпления, окруженном замусоренным двором. У наших детей Родина пока начинается с этого, к сожалению.

Я не враг перестройки. Но и не из тех, кто с пузырями у рта считает ее плодом вызревшей демократии. Хроника сегодняшних дней — нормальное явление естественного исторического развития. Видимо, там, наверху, это вовремя усмотрели и решили без всякого риска дать новому зеленую улицу. Так ведь новое и без этого дорогу б себе пробило. Река, и та скалы в порошок рушит, и нынешнее время себе дорогу б пробило. Или сквозь штыки, или сквозь блины. История — это как времена года. И людям ее не остановить, не изменить, как не под силу им держать лето и исключить из сезонов слякотную осень.

Зачем я вам пишу? Хотелось бы, чтобы люди на происходящее смотрели трезвее. С исторических, пусть

даже философских позиций. Почему? Да потому что крайности, доходящие до низоции, происходят по обе стороны баррикад. И не секрет, что униженные и оскорбленные в стремлении к справедливому возмездию могут делами своими во многом переплывать подрыжавших палачей. И если это случится, какой изуверский «изм» будет характеризовать время сегодняшнее?

На быструю демократизацию надеяться нечего. Процесс это длительный. Россия — страна уникальная, громадная, поэтому и созревает дольше других. Помните тютчевское «умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». В европейский кафтан ее попытался втиснуть Петр, учились носить смокинги и после семнадцатого. Теперь тоже поговаривают о сближении. И не зря поговаривают. Никуда нам, землянам, друг от друга не деться, если каждые три дня на Земле новорожденных появляется с полумиллионный город. Со временем нас разопрет так, что все мы перемешаемся. И это тоже будет история, и тех, кто будет сопротивляться ей, не поймет, не поверит ей, она уничтожит.

Так не хотелось бы этих жертв. Вот почему я пишу. Может, резко, извините. Говорить обо всем, конечно, надо. Чтобы дети наши поняли да те, у кого ум еще на мир не раскрылся, слепой. Только поспокойней, поуверенней. Крик работе мешает, а у нас кроме разговоров ведь столько дел!

Геннадий ГРАБКО,
юрист,
г. Новокузнецк
Кемеровской обл.

Опасные игрушки

Вечером 9 апреля узнал из «Последних известий», что в Советском комитете защиты мира началась дискуссия об уничтожении военной игрушки (проходящая и за рубежом). В памяти возник эпизод детства. Де-

ло было в середине 60-х. Как-то, роюсь в нашем сарае, я «откопал» игрушечный автомат, громко трещавший и потому очень мне понравившийся. Неизвестно, сколько времени про-

должались бы мои игры, если бы меня не «застукал» отец.

Надо сказать, что в военные годы он окончил МВТУ им. Баумана по специальности «Мины и боеприпасы» и, пока не кончилась война, работал на военных предприятиях, вначале в Подольске, а потом в Москве. Когда война окончилась, ушел, несмотря на высокую зарплату: «Хотелось работать теперь на мир, а не на войну». Около тридцати лет он преподавал физику в медицинском институте, в городе Семипалатинске. (Да-да, том самом Семипалатинске).

Так вот, до сих пор помню то ощущение стыда, которое испытал я перед отцом, когда он застал меня с той игрушкой. Не помню в точности слов, которые были им сказаны, но только больше в эти игры я не играл.

У меня нет сомнения в том, что выпускать военные игрушки,— компьютерные ли, обычные ли — значит развивать в будущих мужчинах агрессивность, жестокость, пренебрежение к ценности человеческой жизни. Тем более, что дети сегодня — об этом уже писалось — все чаще почему-то норовят «сражаться» на стороне «беляков» или «фашистов»). Делать в наше время ставку на эти качества было бы недальновидно и опасно, поскольку гарантиями безопасности страны чем дальше, тем

больше становятся не ее военная мощь, но степень ее открытости, предсказуемость ее действий и степень ее вовлеченности в мировую экономическую систему.

Что же касается прозвучавшего утверждения оппонентов о том, что-де уничтожение военной игрушки повредит воспитанию в детях патриотизма,— совершенно не согласен! Истинный патриотизм — патриотизм Лермонтова или Твардовского — не воспитывается в жестких играх.

Считаю, что производство военной игрушки должно быть прекращено, а наша страна, выдвинувшая и успешно реализующая принципы нового политического мышления, могла бы показать пример и в этом деле, совсем не таком маловажном, как это может показаться. Еще лучше, если пример показали бы СССР и США одновременно.

Место военных игр должны занять спорт, общение с природой; на смену радости «победы над врагом» должны прийти радость спортивной победы, радость познания внутреннего мира другого человека, радость дискуссий. И вряд ли возможно вычислить, как много принесет нам то, что дети наши станут духовно тоньше, добрее, человечнее...

Михаил ВАКСМАН,
научный работник,
г. Новосибирск.

Это действенное средство — компромисс

Я спрашиваю себя, как стало возможным конкретное соглашение по ядерному разоружению. Ведь в начале 80-х годов отношения между США и СССР, а также между их союзниками и сочувствующими были напряженными.

Полагаю, что углублению того диалога существенно способствовала все усиливающаяся воля народов к миру. Можно, наверное, утверж-

дать, что сказался здесь и инстинкт образумившихся людей к самосохранению. Мы видели, что во всех странах усилилось движение сторонников мира. Особенно это проявилось после начала размещения ракет в Западной Европе в 1983—84 годах. Многие люди, ранее не участвовавшие в уличных демонстрациях и считавшиеся «вне политики», начали понимать свои возможности в

обеспечении и строительстве нашего будущего. Если массовые выступления и были иногда чисто демонстративными, быющими лишь на эффект, то они все же оказывали мощное давление на правительствa.

При этом не надо и забывать о постоянной готовности социалистических государств к диалогу. Соответствующая готовность к компромиссам возросла, видимо, с середины 80-х годов. И это хорошо. Договор о ракетах есть доказательство того, что готовность к компромиссам не означает какого-либо предательства для коммунизма, а должна быть свойственна коммунистам. Доказательства этому, мне кажется, есть в каждой социалистической стране. Достаточно хотя бы примера послевоенной Германии. Для меня-то все это стало лишь историей, прошлым (я родилась в 1962 году), однако я полагаю, что в те годы коммунисты, равно как и социал-демократы (по меньшей мере, в советской оккупационной зоне Германии), были готовы к разного рода компромиссам для того, чтобы устранить фашистскую идеологию в головах людей.

После образования ГДР она всегда была заинтересована в нормальных отношениях со всеми государствами. Но этому помешала бескомпромиссная политика силы, которую практиковали западные государства в годы холодной войны. В вопросе раскола Германии этому есть однозначное доказательство, когда Аденауэр заявил: «Лучше пол-Германии целиком, чем вся Германия напополам!»

ГДР вплоть до 1961 года делала

попытки достичь решения в деле воссоединения Германии. Затем мы подошли к такой ситуации, когда поняли, что это невозможно без предательства дела социализма. Дело дошло до окончательного разделения, до постройки Берлинской стены. Оба немецкие государства к тому времени заняли прочное положение на международной арене. Начиная с 70-х годов и в последнее время оказалось, к счастью, что империалистическое государство вполне способно идти на компромиссы. Это настраивает на оптимизм в будущем.

Но нельзя забывать и о других проблемах, например, об экологии и голоде. Страшно наблюдать, как в Северном море гибнут тюлени и рыба. Можно было бы на деньги, идущие на вооружения, создать экологически безвредные производства и технологии.

Мне непонятно, как люди могут допустить, чтобы другие люди умирали от голода, тогда как в иных местах намеренно уничтожают продовольствие. Но и мы не свободны от вины.

Из денег, сэкономленных на военном производстве, можно было бы осуществить программы борьбы с засухой. Об этом должны были бы задуматься все и при этом критически взглянуть на себя.

Американо-советский договор может и должен стать лишь началом на пути к построению мира, достойного жизни в нем и достойного любви к нему.

Катарина БРЕДЕРЛОВ,
г. Халле, ГДР.

Без идолопоклонства

Совсем недавно «открыла» ваш журнал, прочитала сразу пять номеров за этот год. Большое впечатление произвел на меня круглый стол «Баррикады перестройки». Интересно было узнать, как о том, что носитися в воздухе и обсуждается, го-

ворят историки и литературоведы. Чувствуется, что все участники разговора — люди думающие, озабоченные судьбой нашего общества. Совсем иное впечатление произвела на меня статья Побиска Кузнецова в «Правде» от 25.06.88 «Вопросы исто-

рику», прозвучавшая диссонансом мыслям, высказанным за круглым столом «Века XX и мира». В связи с этим хотелось бы поделиться своими размышлениями по поводу проблем, затронутых в этих двух публикациях.

С культом Сталина, мне кажется, покончено навсегда. Отдельные голоса, изредка возникающие: «Не трожь! Да мы с его именем!» уже никто не принимает всерьез. Слишком серьезные опубликованы факты о деятельности Сталина и его аппарата. Но покончено ли у нас с культом вообще? Похоже, что некоторые наши идеологи считают, что совсем без этого нашему народу нельзя. Непременно нужен кто-то, если не бог, то царь, если не царь, то вождь, чьим именем можно давать на сознание людей, на кого можно ссылаться, утверждая что-то.

За 70 лет народ достаточно наслушался изречений то «великого учителя» Сталина, то «выдающихся деятелей КПСС» Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко. Каждый раз их устами якобы говорила партия, и поэтому все, что они утверждали, цитировалось как истина в последней инстанции. Сейчас мы ежедневно слышим: «Возвращаясь к ленинским нормам», «Как завещал нам великий Ленин», «Как говорил вождь мирового пролетариата Ленин»...

Я не думаю, что плохо — это когда культ Сталина. Я думаю, что плохо — это любой культ. Он всегда предполагает, что есть некто, кто решил все задачи развития человеческого общества на много лет вперед и нам нужно только неукоснительно следовать этому пути, и все будет хорошо. Любой культ тормозит развитие творческой мысли, поиски своих путей решения задач нашего общества.

Многие философы, общественные и политические деятели прошлого заслуживают безусловно большого уважения, а иные и восхищения; их труды надо изучать, черпая из них то ценное, что возможно использовать в наше время. Но я считаю, нельзя делать из них идолов для поклонения, даже из самых выдаю-

щихся, а их учения считать единственно истинными на все времена.

Ничто так не тормозит развитие общества, мне кажется, как матерь всех наук в виде застывшей догмы. А развивать философию только в рамках признанной единственно верной догмы — это не развивать ее совсем.

По мере развития общества устаревают самые передовые для своего времени философии (невозможно предугадать на сто лет вперед), и я думаю, что правы те ученые, которые ищут принципиально новые теории путей развития социалистического и капиталистического обществ, опираясь на опыт XX столетия. Но есть выступления в печати, которые рассматривают такие попытки как немыслимую крамолу.

Уликая Ю. Н. Афанасьева в «презрении к исторической правде» и не надеясь, видимо, на свой авторитет в этой области, Побиск Кузнецов то и дело цитирует М. С. Горбачева. Думаю, что немногим раньше, полемизируя со своими оппонентами, он цитировал то Брежнева, то Черненко, в зависимости от того, кто в этот момент был у руля власти.

Я не думаю, что то, что говорит лидер страны по какому-либо вопросу, должно быть точкой, после которой данный вопрос обсуждению не подлежит. Никак не могу принять как единственно верное утверждение, высказанное в докладе к 70-летию Октября и процитированное П. Кузнецовым, что «решение партии сразу двинуть вперед тяжелую индустрию» — «это был единственный возможный в тех условиях... путь. Это был новаторский шаг...»

Обречение миллионов крестьян на нищету, бесправие, фактическое возрождение крепостного права... Никакие великие цели не могут оправдать такого шага тогдашнего руководства. И в газетах, и в журналах появляются статьи, излагающие другие точки зрения, не совпадающие с точкой зрения, изложенной в докладе, и одно это уже свидетельствует, на мой взгляд, о демократических изменениях в нашей стране и

новом мышлении, то есть как раз о том, за что стоит нынешнее руководство страны.

Хотелось бы пожелать авторам дискуссионных статей по наиболее важным вопросам современности, чтобы

в их статьях поменьше встречалось «как говорил», а побольше своих собственных размышлений.

Елена ДОКУЧАЕВА,
сотрудница научной библиотеки,
г. Свердловск.

Случай на Пушкинской

Если бы читательские письма, направляемые в газеты, стали бы повторять слово в слово передовицы газет, хорошо бы это было или нет? Если за словами о перестройке, демократизации, гласности перестали бы ощущаться реальные судьбы людей, их живые боли, не признали бы мы разве тогда, что обновление — фикция, что до нового мышления общество не доросло, что не хватило нам глубины и сердечного жара, и довольствовались мы заменой одних стереотипов другими?

Сколько выстраданных миллионами людей мыслей прозвучало в тезисах к XIX партконференции и ее решениях! Но ведь живая жизнь сегодня, как и всегда, зависит от личной позиции каждого. Я свою позицию не скрываю, но и никому не навязываю. А вот поделиться своими мыслями и тревогами с согражданами мне не удалось...

28 июня с. г. я был задержан на Пушкинской площади города Москвы и за «организацию стихийного митинга» (!) приговорен судом Фрунзенского района к двум месяцам исправительных работ по месту основной работы с отчислением 20 процентов в пользу государства. Текст, отобранный у меня, по существу которого ни в милиции, ни в суде не было сказано ни слова, решением суда признан подлежащим уничтожению.

Выходит, общественное спокойствие я «возмутил» самим фактом присутствия на одной из площадей Москвы и личной беседой с согражданами? В самом деле, прохожие с интересом читали мою статью «Перестройка глазами «маленького чело-

века», задавали вопросы по ее существу, интересовались: где и кем я работаю, кого представляю.

Им и сотрудникам милиции, пытавшимся удалить меня из сквера, я объяснял, что пришел сюда поделиться своими мыслями и выражаю личное мнение. Но вскоре рядом со мной вырос человек в штатском (в милиции к нему обращались потом по имени «Андрей»). Он стал добиваться от меня устного пересказа содержания статьи, вставляя замечания в мой разговор то с одним, то с другим прохожим. А после его ухода ко мне подошел заместитель начальника 108-го отделения милиции майор Куренков, заявил, что я являюсь нарушителем «Временных правил» о проведении демонстраций и митингов. Моим читателям он скомандовал: «разойтись!», а меня объявил задержанным, после чего мне под угрозой применения силы пришлось направиться в отделение милиции.

Вызвавшихся сопроводить меня людей не допустили даже в дежурную часть и показаний у них не взяли, несмотря на то, что один из них назвался депутатом. В качестве свидетеля «организации мной митинга» выступил молодой дружинник Самардаев, недостающего второго — «заменил» подысканный в отделении некто Захаров, которого я видел впервые.

В народном суде Фрунзенского района судья Л. А. Мартынова, спросила меня о целях моего приезда на Пушкинскую площадь, подтвердила у свидетелей и факт моего присутствия на площади и беседы с людьми и объявила приговор по

ст. 165 Кодекса РСФСР об административном правонарушении. И хотя сопротивление милиции я не оказывал и факт «организации митинга» отрицал, меня признали виновным!

Ни на суде, ни при попытке повторного рассмотрения дела я не смог воспользоваться услугами адвоката. Если бы меня вздумали осудить за убийство или кражу, я, по причине полной своей неопытности, оказался бы в том же положении, с той разницей, что не имел бы возможности сам куда-либо обратиться и чего-либо потребовать. О каких конституционных правах и гарантиях тут можно говорить?

Так и видится мне, как иду я с майором Куренковым под конвоем

по Пушкинской площади мимо лозунга «Перестройка — дело каждого!», а нам в спины смотрят десятки глаз. Теперь и на службе я «в опале»: пришел исполнительный лист, а к нему, говорят предписание «разобрать меня». Стоило ступить раз самому, прожить час «свободным человеком свободной страны», как все проблемы маленького человека разом и «поналезли»... Неужели и впредь жить мне по «временным правилам», как милиция «изволит» да суд «благоволит»? Или гражданская позиция и личное мнение — непозволительная роскошь?

Алексей КАДАЦКИЙ,
г. Истра
Московской обл.

Мои вопросы к военным

Письмо Л. Птичиной «Во что играют взрослые» и отклики на него, оценивающие действия нашей Гражданской обороны как, по меньшей мере, несостоятельные, неэффективные, выражают точку зрения большинства нашего населения, принимающего участие в так называемых занятиях и «учениях» ГО.

Наши люди понимают и понимают формализм и несерьезный характер этих «игр», а поэтому относились и относятся к ним безразлично. Они твердо уверены в том (всех нас научила этому жизнь), что «в случае чего» все будет происходить иначе, не так, как в «играх». Так уж повелось, что и готовимся мы по-настоящему и решаем свои проблемы (в основном трагические) тогда, когда что-то уже случилось, когда действия наши ограничены во времени и прочее, в результате чего нам за это приходится дорого платить. Об этом свидетельствуют и Чернобыль, и «Нахимов», и многое другое. Вот тогда, когда «гром грянет», мы начинаем поспешно и учиться «как креститься», и самое «креститься».

В связи с этим хочу затронуть такой большой для нас вопрос, как на-

ши военные действия (к счастью, в прошлом) в Афганистане, приведшие к большим потерям нашего военного контингента — более 13 тысяч убитыми и десятки тысяч ранеными, сотнями военнопленных. Наши противники на Западе злорадствуют на этот счет: советские генералы впервые потерпели поражение. Наши военные руководители, пытаясь как-то смягчить этот укол объясняют и нам, и им: мы ведь пришли в Афганистан по просьбе руководства этой страны не с целью побеждать, а с тем, чтобы помочь дружественному соседнему народу. Как могут помогать военные части, имеющие в своем распоряжении военную технику, кроме как участвуя в военных действиях против противников существующего режима? Ответ и логически, и практически один: участвовать в военных действиях на стороне дружественного правительства. И так оно и было. Ибо откуда те большие потери нашего военного контингента в Афганистане? Но если уж мы ввязались в эти действия, то надо было осуществлять их по-современному, применяя тактику ведения боя, которая учитывает колоссальные пора-

жающие возможности современной военной техники А свидетелями чего в действительности мы стали?

Перед умственным взором проносятся картины этих действий, отраженные в репортажах и снимках с полей военных действий в Афганистане. наши солдаты с автоматами, с гранатами, нередко в окружении, испытывая порой нехватку провианта и боеприпасов, отбиваются до последней возможности от наседающих и не имеющих почти никакого образования бандитов, однако хорошо управляющихся с современной высокопоражающей техникой: гранатометами, крупнокалиберными пулеметами, ракетами и прочее.

Или фото: наши солдаты атакуют засевших за укрытиями бандитов — движется несколько советских бронетранспортеров и между ними согнувшись, припадая к земле, с автоматами в руках наступают наши высокообразованные и многострадальные солдаты. Да картина ли это современного боя? Не взята ли она из тех трагических дней начального труднейшего этапа Великой Отечественной, когда наших солдат (по свидетельству участников этой войны) бросали против уничтожающего огня немецких пулеметов и минометов, не говоря уже о танках, артиллерии, самолетах? Ибо что могут поделать бронетранспортеры, против гранатометов, пулеметов, стреляющих бронебойными пулями, минометов и управляемых ракет и снарядов?

Не этим ли объясняются наши большие потери в Афганистане? Вместо того, чтобы подавить противника при помощи эффективной современной техники, мы, по- существу

как и в прошлом, продолжаем делать ставку на «человеческий фактор». И поневоле возникают мысли а осознает ли наше, в первую очередь, военное руководство свою ответственность перед нашим народом, если все наши оборонительные вооруженные силы подготовлены на таком «современном» тактическом и прочем уровне? И хотя мы уже выводим свои войска из Афганистана, это отнюдь не снимает с повестки дня вопрос нашей эффективной и разумной подготовки советских вооруженных сил к обороне...

Каждый советский человек желает мира и только мира. Говорят об этом и руководители Запада. СССР и США начали разоружаться. Однако же Запад держит свои вооруженные силы на высоком уровне тактической и другой подготовки в соответствии с современным уровнем развития науки и техники. Об этом свидетельствуют действия Англии в войне против Аргентины, США — в Гренаде и др.

Поэтому мы также должны относиться серьезно и ответственно к уровню подготовки наших оборонительных сил.

Вот какие мысли возникли у меня при чтении материалов вашего бюллетеня, особенно тех из них, которые характеризуют качественный уровень деятельности нашей ГО. Не захватила ли эта «игра взрослых» и наши Вооруженные силы?

Петр НЕМЕРОВСКИЙ,
доцент кафедры политэкономии
и философии Макеевского
инженерно-строительного
института,
г. Макеевка
Донецкой обл.

Взрачиваем «военных патриотов»?

Наконец-то критика начала добираться и до наших «священных ковров» и их концепций. Правда, одна каста так и осталась пока неприкасаемой — КГБ. Считайте это выступление предложением рассмотреть на страницах вашего издания и эту проблему — место комитета в обществе, роль в прошлом и настоящем, пределы его полномочий и прав по отношению к гражданам и организациям и права граждан по отношению к нему; как он перестраивается и т. п.

А теперь к теме о патриотизме, военно-патриотическом воспитании.

Я согласна с тем, что ваш бюллетень писал по этому поводу.

«Надо ли нас бояться?» — спрашивали вы. Может быть, и не надо. Но бояться. И не без оснований. И искусственно нагнетают страх те, кому это выгодно. И одним из аргументов наших оппонентов всегда является упрек в милитаризации нашей школы.

В самом деле, у нас в средней школе, ПТУ, техникумах есть курс начальной военной подготовки (НВП) плюс летние военные лагерные сборы, сроки которых в этом году удвоились. Как это связать иностранцу с нашей мирной политикой? И есть ли подобное в других цивилизованных странах? Особенно дико мне зрелище марширующих строевым шагом девушек.

Кроме того, мы всей страной играем в детские военные игры — «Орленок» и «Зарница». Есть центральный штаб во главе с генералом, то ли с маршалом. Ну как нас не бояться? Не надо ничего придумывать западным идеологам, достаточно перепечатать приказы этих командующих играми и репортажные снимки с финала игр.

В каждой школе, кроме кабинета НВП, есть теперь и военный городок. Зачем? Вся эта мудрость повторяется в армии и усваивается в течение месяца.

А сколько затрачивается средств?!—

зарплата, оборудование склада с оружием, сигнализация, городок, табельное имущество и пр. Не лучше ли эти средства, одну хотя бы часть, отдать на физическую культуру, бедственное положение которой в школе общеизвестно.

В педагогике, и в обиходе появился уродливый термин — «военно-патриотическое воспитание».

Нет такого воспитания.

Есть воспитание патриота и гражданина как цель усилий всего воспитательного процесса. И есть военная подготовка — увы, неизбежная вещь в наше время. Но уместна ли она в школе? И что такое военное воспитание — воспитание военных? Но это дело армии. Воспитание в духе готовности к войне? А это не милитаризм?

Ведь милитаризм, это не только гонка вооружений, а элемент мировоззрения, привычка мыслить военными категориями во внешней политике. А если этот компонент обыденного сознания выпитывается в детстве, он обретает прочность непреложной истины, предрассудка.

Да и решают ли военруки те задачи, которые возложены на них? Готовят ли к армии? Думаю, что нет. Физической подготовки в этом курсе нет. Психологически НВП к армии тоже не готовит — так как школьники до армии, привыкшие к отсутствию дистанции между собой и майорами, приносят это отношение и в армию, а сержантов и лейтенантов вообще не воспринимают как начальников.

Профессия военрука стала массовой. Их не хватает. И тут не до выбора — берут всех желающих. И далеко не все из них являются образцом офицера, а многие просто солдафоны, отпугивающие от службы в армии, рассеивающие романтические ожидания юношества. У большинства из военруков нет педагогических способностей и навыков. Попытка перенести в школу приказную армейскую педагогику не дают

успеха — так как школа, слава богу, все-таки не казарма.

Война — зло. Армия — необходимость печальная. Давайте так и относиться. И военный вовсе не идеал человека и не единственный носитель патриотизма. А в данный момент, когда основная задача школы — отказаться от командного стиля, воспитание свободного, раскованного, самостоятельно мыслящего человека, наличие в школе элемента, основной доблестью которого является подчинение, представляется мне инородным.

И еще аспект, касаться которого просто боязно. Сейчас какие-то особые надежды возлагают на приход в школы афганцев, их клубы, видя какие-то человеческие качества прошедших через войну, вероятно, ненужную. Если бы это было так, то нам срочно следовало бы подыскать новую горячую точку на планете, ку-

да, как в школу воспитания настоящих мужчин, следовало бы послать наших парней.

Я знаю многих афганцев, в том числе и тех, кого когда-то учила. Все они отравлены тем злом, имя которому — война. Не все они сломлены, не все хладнокровно или с блеском в глазах говорят о смертях, но в наставники к своим детям я не хотела бы никого из них.

Патриотизм специально, набором мероприятий не вырабатывается. И это не только сумма педагогических усилий, а сумма всех жизненных воздействий. Мы сейчас делаем попытки самоочищения, обновления жизни. Статус нашей Родины растет и за границей. Не может это не сказаться и на росте такого святого чувства, как патриотизм. Над этим и надо работать.

**Ольга КОХ,
г. Тюмень.**

Вопрос ребром

У пингинов была лучшая в мире армия, у дельфинов также была лучшая в мире армия. Вообще, каждая армия в мире — лучшая, иначе какой от нее толк? Так описывал вечернюю ситуацию Анатоль Франс.

Вникнем в сегодняшнюю ситуацию на европейской части СССР. Леса сведены, их возобновление — дело XXI века. Почва Нечерноземья от многолетней директивной глубокой вспашки с отвалом перемешана с подстилающей глиной и не родит. Не случайно по ТВ говорят, что Нечерноземье надо не развивать, а спасать. Но как? Сделанное необратимо. Чернозем, считают, уже наполовину смыт и выветрен, местами показался мел. Причина — та же отвальная вспашка и запрет на травополье. Луга затоплены гниющими водохранилищами. Реки перегорожены или высохли. Рыба потравлена.

Уголь выбран: в Донбассе, чтобы не закрывать шахт, местами выби-

рают пласты в 30 см, хотя это убыточно.

Нефть выкачали.

Кто теперь захочет на нас напасть? Что у нас взять? А если завоеешь, то нас же еще и кормить надо.

Всегда считалось, что агрессор — тот, кто у себя дома не умеет навести порядок, и потому зарится на чужое.

Кого же нам опасаться, для чего нам армия? Только для защиты от Китая, сказали бы раньше. Но теперь и китайцы нашли способы удваивать урожай и быстро развивать промышленность. Говорят, что они хлеб начали вывозить. Станут они воевать!

Не пора ли нам распустить армию, или, по меньшей мере, перейти к добровольческому принципу ее комплектования?

**Владимир ЧУДОВ, участник Великой
Отечественной войны,
кандидат наук, г. Москва.**

РАЗБЕРЕМСЯ КОМПЕТЕНТНО

О концепции гражданской обороны СССР

В журнале «Век XX и мир» № 10/87 и № 5/88 опубликованы письма Л. Птицыной «Во что играют взрослые», Р. Шмиля и Б. Вильнера (ГДР) «Зона умолчания», Е. Залиховского «На карте наша жизнь», Я. Шнайдера «Пора разобрататься компетентно». В этих материалах затрагиваются концепции гражданской обороны нашей страны и содержатся критические замечания, суть которых можно свести к следующему:

— недопонимание роли и значимости ГО в современных условиях и, как следствие, отрицание необходимости обучения населения вопросам ГО в случае развязывания войны империализмом и особенно в мирное время;

— некомпетентность в вопросах применения ядерного и обычного оружия в современной войне;

— утверждение того, что ГО окружала тайна и ее работа велась на примитивном уровне, освоенном на мышлении первых послевоенных лет.

Статьи и отклики на нее явились, прежде всего, следствием неправильного анализа сложной противоречивой международной обстановки в современном мире, что не могло не привести к недопониманию роли и значимости ГО.

Наша международная политика — политика мира. Мы за полную ликвидацию ядерного и других видов оружия, ибо применение ядерного оружия в войне приведет к гибели человечества. Мы не собираемся ни на кого нападать.

Однако империализм во главе с США продолжает гонку вооружений и крайне неохотно идет на полную ликвидацию ядерного и обычного оружия. Сенат США утвердил военные расходы Пентагона на 1988 год в сумме свыше 282 миллиардов долларов (в 1987 году военные расходы составили 267 миллиардов долларов). США располагают тысячами ядерных зарядов, имеют 1500 военных баз численностью 1,5 миллиона человек. За последние годы США более 250 раз прямо или косвенно вторгались на территории

других государств, погибло при этом свыше 10 миллионов человек.

Хотя угроза войны все более и более отодвигается, и народы всего мира это понимают, однако полностью исключить возможность возникновения агрессивной со стороны империализма нельзя. Агрессии могут иметь место как с применением ядерного оружия, так и обычного. Она может начаться внезапно или после продолжительного обострения обстановки.

Продолжая подготовку к войне, империализм проявляет заботу и о ГО. Так, США на нужды ГО за последние семь лет израсходовали 4,2 миллиарда долларов, разработаны планы эвакуации населения, строятся убежища. В Бельгии в 1963 году издан закон о ГО, создана стройная система: округа ГО, районы, подрайоны, коммуны. Из добровольцев состоят подвижные формирования — специальные взводы численностью 40—50 человек (общая численность составляет 25 тысяч человек). Создано свыше 360 пожарных команд численностью 16,5 тысяч человек, 1,5 тысяч различных лечебных учреждений. Большое значение уделяется повседневной подготовке сил и средств ГО. Массовым тиражом издаются популярные брошюры по вопросам ГО. В службах ГО Швейцарии находится 480 тысяч человек, в том числе 300 тысяч прошли полный курс специальной подготовки. Ежегодный бюджет на ГО в последнее время составил около 137 миллионов долларов.

Видимо, одной из важнейших задач ГО в предвидении ядерного удара будет укрытие населения, так как потери людей вне укрытий увеличиваются по сравнению с потерями людей в укрытиях в сотни и тысячи раз. А укрытия для населения есть почти на каждом объекте, в том числе и в институтах. При развязывании войны с применением обычных средств поражения (авиабомбы, ракеты) также необходимо укрывать население, что делалось в годы Великой Отечественной войны. Со-

временные обычные средства поражения по своей эффективности и мощи значительно превосходят обычные средства поражения периода Великой Отечественной.

В современных условиях средства обнаружения способны определить место и время взрыва, его вид и мощность. Кроме того, необходимо иметь в виду, что агрессор при планировании ударов, всегда определяет объект удара, мощность боеприпаса, место и время удара. Поэтому ГО вправе прогнозировать обстановку для принятия мер по спасению людей. Важным при этом будет правильный выбор возможных вариантов действий и средств ГО и возможных вариантов спасения людей.

Основу ГО страны составляют невоененизированные формирования, созданные из рабочих и служащих на всех объектах народного хозяйства. Штаты освобожденных работников по ГО имеются не на всех из них, да они и малочисленны, а объем их работы достаточно велик.

Он включает отработку планов, расписаний, подготовку и проведение занятий, учений, подготовку и содержание укрытий в рабочем состоянии, подготовку невоененизированных формирований. Порой в результате низкой требовательности к подбору и расстановке кадров, некомпетентности в вопросах ГО отдельных руководителей в должностях освобожденных работников по ГО попадают случайные лица, не обладающие современными знаниями, опытом и методикой обучения. Для проведения занятий по ГО руководители некоторых объектов приглашают посторонних лиц, что приводит к фактам, изложенным в письме Л. Птицыной.

В современных условиях, когда неизмеримо возросли возможности сторон для нанесения внезапного удара по городам и народнохозяйственным объектам, ГО военной доктриной нашей страны отводится важная роль. Эта роль неизмеримо возрастает в мирное время в борьбе с последствиями стихийных бедствий, крупных производственных аварий.

В соответствии со сложившейся практикой ГО страны предусматривает разносторонний комплекс мероприятий,

которые позволят защитить население и обеспечат живучесть экономики как в военное, так и в мирное время.

Концепции ГО нашей страны сводятся в основном к следующему:

— **во-первых**, защита населения от современных средств поражения (строительство убежищ, укрытий, обеспечение средствами индивидуальной защиты, эвакуация в безопасные районы). От успешного решения этого зависит успех решения многих других задач защиты Отечества.

— **во-вторых**, повышение устойчивости функционирования экономики и снижение возможного ущерба народного хозяйства — рассредоточение производительных сил страны, перевод отраслей и объектов народного хозяйства на режим работы военного времени, дублирование производства важнейших видов продукции, защита производственного персонала, технической документации и уникального оборудования, сырья и готовой продукции, обеспечение бесперебойной работы транспорта, связи, энергетики.

— **в-третьих**, подготовка сил и средств к ликвидации последствий нападения противника, проведение спасательных и неотложных аварийно-восстановительных работ в очагах поражения, в зонах катастрофического затопления, при стихийных бедствиях и крупных авариях. Силы ГО обязаны вести разведку очагов поражения, разыскивать пострадавших и оказывать им первую медицинскую помощь, бороться с пожарами, локализовать и ликвидировать аварии на объектах, городских коммуникациях и коммунально-энергетических сетях, обеззараживать территорию, сооружения, технику, одежду и обувь, продовольствие и водоисточники.

Ответственность за состояние ГО на объекте народного хозяйства возлагается на руководителя объекта, который является начальником гражданской обороны. Из числа руководящего состава и освобожденных работников по ГО на объекте формируется штаб ГО.

Важнейшим элементом концепции ГО является обучение личного состава невоененизированных формирований и населения.

Обучение по ГО является всеобщим для всех граждан СССР. Штаб ГО объекта организует, обеспечивает и непосредственно руководит обучением. На объекте занятия проводятся со следующими категориями обучаемых: руководящим составом ГО; формированиями; рабочими и служащими; населением, не занятым в сфере производства и обслуживания и проживающим в ведомственном жилом секторе, по специально разработанным программам.

Основной метод обучения — практические занятия. При обучении руководящего состава ГО, кроме того, предусматриваются лекции и групповые упражнения. Изучение программы обучения завершается участием в комплексном учении по ГО.

Учения по ГО являются высшей и активной формой подготовки к выполнению задач. На учениях отрабатываются необходимые практические навыки, четкие и слаженные действия личного состава формирований, совершенствуются и изыскиваются наиболее целесообразные приемы использования техники, приборов, различных агрегатов и инструментов, отрабатываются управление, связь, оповещение.

В зависимости от целей, задач, метода проведения и состава участников на объектах организуются и проводятся тактико-специальные учения, командно-штабные учения, объектовые тренинговые, комплексные учения ГО.

Обучение населения города, не занятого в производственной деятельности, проводится по месту жительства. Непосредственную организацию и проведение занятий по ГО осуществляет руководитель жилищно-эксплуатационной организации. Для повышения качества обеспечения занятий решением начальника ГО района за ним закрепляются объекты народного хозяйства, а также учреждения органов здравоохранения, охраны общественного порядка и пожарной охраны.

Для практического руководства обучением населения при ДЭЗах, ЖЭКах создаются организационные комитеты в составе: начальник ГО — руководитель оргкомитета, член бюро парторганизации, представитель домового комитета, представитель органов охраны

общественного порядка, представитель органов здравоохранения, представитель органов противопожарной охраны, начальники штабов ГО закрепленных объектов.

Занятия проводятся по учебным группам (численностью до 15 человек), создаваемых в доме, подъезде.

В результате подготовки по месту жительства население должно знать и уметь:

- порядок действий в случае возникновения стихийных действий, аварий, оказывающих воздействие на жилые массивы;
- сигналы оповещения ГО и порядок действия по ним;
- правила поведения при воздействии ядерного оружия и в других очагах поражения;
- расположение отведенного для укрытия защитного сооружения, маршрут движения к нему и свое место, правила поведения в нем;
- энергично и организованно действовать по сигналам оповещения и распоряжениям ГО;
- с минимально возможными затратами времени укрыться в защитные сооружения;
- оказывать помощь инвалидам, больным и престарелым, обеспечивать защиту и безопасность детей.

Как видно из всего изложенного «взрослые люди» ГО «играют» в серьезные игры, готовя население города к проведению мероприятий ГО. Только вот приходится сожалеть о том, что некоторые товарищи не понимают сущности вопроса ГО, не хотят видеть значимость ГО в современных условиях. Поэтому необходимо пожелать им более серьезно подойти к ГО и принять самое активное участие в обучении и подготовке себя и близких к участию в проводимых мероприятиях. А недостатки, о которых написано, в столь большом и важном деле могут иметь место. Их надо устранять и совершенствовать формы и методы обучения.

Н. ТОПОРИХИН,
генерал-майор авиации в отставке,
кандидат военных наук, сотрудник
штаба ГО,
г. Москва.

МОСКОВСКАЯ КРАСАВИЦА

Когда на глазах участниц конкурса «Московская красавица — 88» заблестели слезы, не предусмотренные условиями конкурса, а зрители увидели девушек такими, какие они бывают в жизни, вне сцены, это означало, что трехдневные финальные соревнования завершены. Эти слезы были понятны — ведь столько сил, эмоций было потрачено девушками и во время подготовки к конкурсу, и в эти напряженнейшие финальные три дня.

Конкурс красоты проводился в Москве впервые, широко освещался прессой, в том числе и зарубежной; в числе спонсоров конкурса были известные западноевропейские фирмы: «Джан Франко Ферре» (Италия); «Сан-суси» (Баден-Баден,

Париж); «Бурда моден» (ФРГ); «Картье» (Франция-Австрия); «Квин оф Саба» (Австрия); «Яблонекс» (ЧССР).

Теперь, когда фотография победительницы состязания московских красавиц Марии Калининой обошла страницы центральных газет, можно рассказать и о том, как был организован этот конкурс.

Надо признать, что ведущие, диктор ЦТ Татьяна Веденеева и писатель-сатирик Леонид Якубович, вполне могли бы рассчитывать на приз зрительских симпатий, если бы таковой был учрежден. Среди 14 человек весьма представительного жюри актриса МХАТа А. Вертинская, известный художник И. Глазунов, поэт-песенник И. Резник, главный ре-

На снимках: моменты Бала красоты в Лужниках. Обладательница третьего места Елена ПЕРЕДРЕЕВА и шестеро финалисток.
Фото Н. Степаненкова.

дактор газеты «Московский комсомолец» П. Гусев, (жстати, «МК» — один из инициаторов и спонсоров конкурса), олимпийская чемпионка по гимнастике Л. Латынина и другие. Председателем жюри был певец М. Магомаев.

И, наконец, о самих красавицах. Всего их к первому дню финала было 36 в возрасте от 17 до 27 лет, различных по уровню образованности и культуры, мало похожих друг на друга внешне, даже если смотреть из глубины зрительного зала.

Пожалуй, единственное сходство у них было в том, что каждая считала себя достаточно красивой. И это вносило тот необходимый драматизм, без которого соревнование перестает быть соревнованием: разве женское самолюбие не страдает, когда считаешь себя красивой, а в результате «происков» жюри сходишь со сцены, на которой еще вчера мечтала о первом месте? Но это было состязание, где были победившие и проигравшие, где кто-то плакал от головокружительной минуты счастья в лучах прожекторов, кто-то, может быть, тайне или явно переживал свою неудачу. Во всяком случае были слезы усталости и радости, надежд и огорчений.

Королевой была самая юная — выпускница школы Мария Калинина. И как всегда бывает в таких случаях (это уже из жизни, а не конкурсов), не всем понравилась королева, многие зрители увидели в числе ее соперниц более достойных претенденток на это звание.

Грациозная Оксана Фандера, будущая актриса, стала вторым призером; некоторые полагают, что до королевы она совсем немного не дотянула ростом.

Третье место досталось Елене Передревой. Казалось, что половина зрителей была влюблена в нее, в ее адрес раздавался гром аплодисментов. Елена — блондинка с длинными пышными волосами, которые не давали покоя представителям прессы.

Стал историей конкурс «Московская красавица — 88». Это, бесспорно, любопытное событие в культурной жизни столицы. Видимо, продолжение последует. Почему об этом нельзя сказать сейчас с полной уверенностью, хотя преимущество голосов «за» очевидно? Потому что кое-кто против? Тут есть о чем

поразмышлять. Например, о судьбе Маши Калининой и других участниц конкурса. Ведь, как заметила Анастасия Вертинская, популярность временна, она проходит и часто — безвозвратно. И непосредственность, как памятный знак детства, никакой талантливой игрой актрисы в жизни не восстановится. Таков мир. И может быть, поэтому очаровательная улыбка Маши произвела неотразимое впечатление на ее поклонников, среди которых были и члены жюри. и многочисленные зрители.

Игорь ЕПИФАНОВ.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Движение обновления распространяется на все структуры советского государства и общества. В какой мере оно уже затрагивает или должно затронуть массу людей, занятых обороной страны? Какого рода перестройка нужна армии? Что нового вносит наше время в отношения между армией и обществом? Чтобы рассмотреть эти вопросы, мы пригласили за круглый стол редакции профессиональных военных и лиц, так сказать, сугубо штатских, в основном ученых.

В работе круглого стола участвовали офицеры Главного политического управления СА и ВМФ и Военно-политической академии имени В. И. Ленина:

Н. ЧАЛДЫМОВ. Готовясь к нашему разговору, я обозначил для себя основные проблемы. Вот они; во-первых, нужна ли нам армия? Отвечая на этот вопрос, мы обязательно должны будем говорить об источниках военной опасности. И, во-вторых, если армия нужна, то какая?

Итак, есть ли реальный источник военной угрозы? Ответы бывают разные. Некоторые считают, что, несмотря на наличие милитаристских настроений в странах Запада, воевать там никто не собирается, — отвоёвались! Мне совсем не хочется выступать в роли нагнетателя страхов и заниматься взвинчиванием

генерал-майор Чалдымов Н. А., полковник Мамонтов Ю. В., подполковник Кокорин А. А., подполковник Савинкин А. Е., подполковник Сергеев В. П., подполковник Юшенков С. И., майор Смагин М. А., а также: профессор Богданов Р. Г., Подберезкин А. И., старший научный сотрудник ИМЭМО; Малашенко И. Е., ученый секретарь Института США и Канады АН СССР; Сараскина Л. И., старший научный сотрудник Института художественного воспитания Академии педагогических наук СССР; Нуйкин А. А., заместитель директора Всесоюзного института киноискусства; Панкин А. Б., заместитель главного редактора журнала «Международная жизнь».

нервозности, связанной с военной опасностью, но необходимо реально оценивать расстановку сил на политической арене стран НАТО. Не умаляя значения и определенных успехов антивоенного движения, мне хотелось бы предостеречь против излишней поспешности в оценке его действенности.

Нельзя не видеть, что на Западе еще очень влиятельны силы, которые не перестали уповать на оружие в мировой политике, в отношениях с социалистическими странами, и считают такой подход вполне оправданным. И сегодня военная опасность по-прежнему исходит от авантюристической, милитарист-

ской политики реакционных империалистических кругов. Международная политика Запада не стала пока полностью конструктивной, реалистической. И войны, к большому сожалению, еще не изжиты, оставаясь социальной, политической реальностью. Не буду здесь перечислять примеры — все хорошо их знают.

Накал нынешних споров о сущности войны в ядерный век вполне понятен. Эта проблема волнует всех, и решать ее берутся все — писатели, поэты, врачи, рабочие, колхозники... Все против войны, против тех, кто может ее развязать. Это прекрасно. Но, к сожалению, дискуссии часто остаются на уровне эмоций.

Война в современных условиях перестала быть разумным средством достижения политических целей. Об этом и ведет речь наш Генеральный секретарь. Но исчерпывается ли этим сущность войны? — Нет. Появление средств вооруженного насилия, способных привести человечество к катастрофе, действительно, в корне изменило характер войны. Но если на этом основании полностью отрицать связь войны и политики, «политический генотип» войны — а именно в этом суть ленинского понимания известной формулы Клаузевица, — то становится, на мой взгляд, трудно разрешим вопрос: из чего может вырасти война, в чем причина непрекращающейся гонки вооружений.

Рок-музыкой, поэзией или философией войну не предотвратить. Спасение только в политических средствах, в политике. И именно потому только в политике, что война является ее уродливым детищем.

Л. САРАСКИНА. Свое участие в сегодняшнем круглом столе — с таким количеством профессиональных военных — я вижу как счастливую возможность задать вопросы, которые меня волнуют, в надежде получить на них ответы. Я вполне отдаю себе отчет в том, что армия, как ведомство необщительное, в большинстве случаев игнорирует взгляды «из толпы» и с большой долей скепсиса смотрит на антивоенные «заба-

вы» нечиновной общественности. Но, кажется, настало время — долгожданное и благословенное — когда тема «армия и общество» выходит на общественное обсуждение.

Мои вопросы просты. Исходя из основных положений нового внешнеполитического курса СССР, мы заявляем, что никогда не развяжем войну как ядерную, так и обычную, первыми; ядерная война — в случае если она все-таки возникнет — не останется локальной, а превратится в мировую; в ней не будет и не может быть победителей.

К какой войне в таком случае готовится наша армия? Если к ядерной — то зачем ей нужен громадный (в несколько миллионов) корпус офицеров и солдат? Зачем ей такое количество ракет и боеголовок, которых хватит на многократное уничтожение всего живого на Земле? Зачем ей (по западным данным — наши, увы, в полноте своей не публикуются) четвертая часть национального дохода? Если задача армии — крепить оборону, то хотелось бы знать: кто сегодня нам угрожает?

Кто тот потенциальный враг, на образ которого нацеливают сегодня нашего солдата? Какова вообще сегодняшняя концепция угрозы извне? Или армия по-прежнему исходит из пресловутого тезиса о «враждебном окружении» и считает таковым все, что по ту сторону границ? Так сказать, образ врага-на-всякий-случай?

Скажу честно, сколько бы я ни задавала эти вопросы людям компетентным, вразумительных ответов, дающих целостную картину, я не получала. На мой взгляд, армии трудно вступить в диалог, честный и открытый, с обществом, ибо она находится в состоянии глубокого морального дискомфорта, если не сказать больше. Но, вместо того, чтобы стремиться к очищению и оздоровлению, она держит глухую оборону против любой критики в ее адрес.

И. МАЛАШЕНКО. Надо перестать рассматривать обеспечение безопасности как ведомственную задачу, как вопрос, который целиком находится в ведении армии. Речь идет о безопасности всего

общества, потому общество — военные и гражданские, профессионалы и дилетанты — имеет право принять участие в открытой демократической дискуссии о путях и средствах ее обеспечения. Да-да, и «дилетанты»: их здравый смысл способен в итоге понять и оценить любую ведомственную точку зрения. И вот в этом вопросе армия, как мне кажется, проявляет гипертрофированную чувствительность к попыткам не только критиковать ее (она и сейчас во многом остается «зоной вне критики»), но хотя бы просто разобраться в том, что она делает. Для этого, кстати, надо открыть военную информацию хотя бы в том объеме, в каком она обсуждается за столом международных переговоров, за которым, между прочим, сидят не сограждане, а «потенциальные противники».

И если сегодня некоторые в армии говорят о недопонимании и даже недообращаемости со стороны какой-то части нашего общества, то в этом, извините, есть и доля вины самих военных: нужен активный, содержательный диалог, на который военные до сих пор не очень-то охотно шли. А ведь мы все в нем заинтересованы.

А. КОКОРИН. Я уверен, что в армии никто не против обсуждения вопросов армейской жизни. Их имеют право обсуждать все. Что, собственно, за нашим «круглым столом» и происходит. Тем не менее, хорошо бы, чтобы приоритеты в подобных дискуссиях принадлежали людям, знающим армию не понаслышке. Не могу понять, почему, если идет честный, направленный на поиск истин разговор, не прислушаться бы к голосу профессиональных военных, военных ученых. Нам, например, трудно согласиться, принять такие суждения, как: военные производят оружие, военные призывают в армию молодежь и т. д. Мне кажется, что в подобных формулах, как в зеркале, отражается непонимание армейских процессов, самой армии. Статус армии определяется обществом, а не самой армией. Как и оружие производится не самой армией. Поэтому призывы типа: военные, дайте нам новую армию, откажитесь от производства оружия и т. д.— звучат, по крайней мере, наивно.

А. ПОДБЕРЕЗКИН. Действительно, прежде чем ответить на вопрос, какую армию иметь, нужно решить — для чего, для каких целей? Это ключевой вопрос и начинать, на мой взгляд, надо с политических категорий. Сама по себе природа угрозы не может быть рассмотрена и оценена до тех пор, пока мы не определим собственных интересов: что же нам нужно?

Какая здесь, на мой взгляд, должна быть логика рассуждений? Прежде всего, мы должны разобраться, какие интересы есть у государства, как эти интересы интерпретируются в политические цели. При этом надо понимать, что интересы и цели — категории исторические. Одни цели у нас были в 1945 году, другие — в 1964, сейчас — иные. И лишь определившись с целями, можно говорить о средствах их достижения. И, конечно же, надо отдавать себе отчет, не военные в первую очередь отвечают за формирование военной доктрины, а политики. Вот здесь требуется очень жесткое разделение. Не нужно все сваливать в одну кучу: у нас же некоторые на военных пытаются возложить такие обязанности, за которые они никогда не отвечали и не отвечают ни в одном государстве.

А. ПАНКИН. Я хочу поддержать такую постановку вопроса. Более того, мне кажется, что сейчас на вопрос о природе угрозы трудно дать определенный ответ, ибо идет переоценка внешнеполитических приоритетов нашего государства, и она еще не завершена. В процессе такой переоценки необходимо задавать себе сложные вопросы. Насколько вероятна большая война? Должны ли мы быть гарантами национально-освободительных движений или социалистических преобразований во всем мире? Ощущают ли нужду в наших оборонных гарантиях народы тех стран, которым мы их предоставляем? В какого рода отношениях с сопредельными нам странами (в том числе и социалистическими) мы больше заинтересованы: в союзнических или основанных на принципах нейтралитета и неприсоединения?

Это лишь часть вопросов, от ответа на которые зависит, к какого рода во-

енным действиям следует готовиться армии.

По некоторым из них мне хотелось бы высказать свои соображения. Войны ведутся для достижения идеологических, политических и экономических целей. Есть ли сейчас такие цели, такие противоречия между Востоком и Западом, которые последний бы хотел решить массивированным ядерным ударом или, скажем, вторжением на нашу территорию из Европы? Мне кажется, нет.

Достаточно, кроме того, посмотреть на идейно-психологическое состояние западных обществ, чтобы увидеть, что практически никто там вести большие захватнические войны не хочет. Вспомним, что одно решение о размещении ракет средней дальности в Европе поставило целый ряд государств этого региона на грань политических кризисов, а в США неосторожные высказывания представителей администрации Рейгана в начале 80-х годов подхлестнули мощное движение за мир (и это в период подъема «консервативной волны»), ставшее одной из причин тех трансформаций, которые произошли в Белом доме.

А. КОКОРИН. Это более, чем спорные рассуждения. Давайте поставим вопрос так: была ли в истории ситуация, когда страна или силы, готовящиеся к войне, заявляли бы, что они непременно нападут на определенную страну, то есть был указан конкретный адрес? Никогда этого не было. И тем не менее, войны происходили. То есть история не давала возможности однозначно указать пальцем на потенциального агрессора, но войн это не отменяло и не отменяет, к сожалению. Мне кажется, вопрос — указать пальцем на сегодняшнего агрессора — некорректен по своей сути. Есть ли реальный противник? Можно ли сказать, что это именно Соединенные Штаты? Нет. Видимо, нельзя. Но то, что такой противник есть, то, что идут количественные накопления оружия, это ведь реальность. Как реально и то, что есть такие силы, которые работают на войну. Есть силы, которые, говоря о новом мышлении, цепляются за стратегическую оборонную инициативу (СОИ). Кто из присутствующих

взьмется отрицать факт их существования?

А. ПАНКИН. Я отдаю себе отчет в том, что развитие военной техники сейчас продолжается в весьма опасном направлении, и в различных западных военных планах можно найти немало весьма тревожащих положений. Но беру на себя смелость заявить, что ко всему этому нельзя относиться слишком однозначно. У гонки вооружений своя логика. На Западе кивают на наши военные приготовления, мы — на их, в результате получаются взаимоусиливающиеся процессы, в значительной степени оторвавшиеся от всяких реальных политических целей и задач. А действительность заключается в том, что в экономически развитом мире с его ядерными реакторами, химическими заводами, зависимостью от сложнейших систем жизнеобеспечения и проч. и проч. просто нет места для войн, не то что ядерных, но и обычных. Сейчас сама природа индустриальных обществ, а также разрушительный характер вооружений исключают большую войну. Поэтому меня не волнует, что мы, как утверждают некоторые гражданские эксперты, можем проиграть технологическую гонку вооружений — это, на мой взгляд, не имеет значения.

Так что у меня складывается впечатление, что и Запад, и Восток — парадоксальным образом — боятся войны, готовятся к войне, пытаются предотвратить войну, для которой нет причин и которая невозможна.

И. МАЛАШЕНКО. Добавлю, что нередко забывают о том, что угроза нашей безопасности может носить невоенный характер, что она может корениться в нездоровом состоянии самого общества, прежде всего его экономики. Если бы в нашей экономике не намечался выход из стагнации, то в долгосрочном плане это самым негативным образом сказалось бы и на нашей безопасности. И если нам не удастся перестроить экономику, мы вновь столкнемся с такой перспективой.

Мы успешно продемонстрировали нашу способность унатянуть за лидером в гонке вооружений — Соединенными Штатами, но чего это стоило нашей экономике? Точного ответа мы, увы, не

знаем — гласности еще предстоит проникнуть в эту сферу — но ясно, что стоило очень дорого. Настолько дорого, что Вашингтон даже сформулировал так называемую «конкурентную стратегию», смысл которой — измотать нас экономически, навязывая гонку вооружений на наиболее невыгодных для нас, самых дорогостоящих направлениях. И только в ответ на СОИ мы говорим, что этот номер больше не пройдет.

Поэтому стоит серьезно подумать, что именно в современных условиях представляет наибольшую угрозу для нас, для наших интересов. Мы заинтересованы прежде всего в осуществлении перестройки, глубоких социально-экономических и политических преобразований в нашем обществе. Угроза перестройке — главная угроза нашей безопасности. Иначе говоря, со многими угрозами нашей безопасности вообще нельзя справиться военными средствами.

Р. БОГДАНОВ. И тем не менее, проблема армии — ключевая в системе безопасности. Не буду касаться «угрозы с Запада» или ядерного фактора. Укажу на другое: у наших южных границ есть несколько государств, одержимых мессианскими идеологиями, поведение которых непредсказуемо. Они имеют возможность бить в глубину нашей территории до ста и более километров. Это факт. Это политическая реальность. Кто их будет останавливать, если они начнут войну обычными средствами?

Н. ЧАЛДЫМОВ. Честно признаюсь, мне еще ни на каком уровне, ни на одном «круглом столе» или диспуте не доводилось слышать, что армию нужно упразднить.

Нам армия нужна для гарантированной защиты от возможного нападения извне, для обороны — для меня это, по крайней мере пока, политическая аксиома. Но если согласиться с тем, что армия в принципе нужна, то вряд ли кто-нибудь будет ратовать за рыхлую, плохо подготовленную, небоеспособную армию. До тех пор, пока общество признает необходимым наличие вооруженных сил, оно должно заботиться о поддержании их на соответствующем уровне.

Другое дело, что вопрос — какой должна быть наша армия? — очень не прост.

Как ни просты вопросы подобного рода в области экономики, науки, культуры, поставленные перестройкой. Понятно, не может быть так, чтобы все области надо было перестраивать, а для армии хватило бы небольшой реконструкции. Конечно, такая армия, какая у нас сейчас существует, армия практически сохраняющая послевоенную структуру, уже не нужна. Новые условия требуют коренной перестройки всей армейской структуры. Современная армия должна быть построена на других принципах.

Очень важно правильно определить общую концепцию реформы Советских Вооруженных Сил. Будет ли наша армия по-прежнему массовой регулярной армией или она будет построена по милиционному принципу, а, может быть, она должна стать кадрово-милиционной? Эти проблемы, видимо, могли бы стать темой для обсуждения.

Р. БОГДАНОВ. По целому ряду объективных причин, я убежден, что нам нужна профессиональная армия. Сегодня уровень технического оснащения вооруженных сил таков, что, может быть, лет через пять в армии смогут служить только солдаты с инженерным образованием. Нужны профессионалы, иначе бессмысленные материальные потери достигнут колоссального уровня. Солдат за два года учится только ломать технику, а не применять ее эффективно. Армия должна стать профессиональной. А какая структура должна быть у нее, сколько личного состава — все это будет зависеть от конкретной угрозы.

А. САВИНКИН. Не думаю, что правильно становиться на позиции создания малой профессиональной армии. Кроме того, что такая армия будет оторвана от народа, она не обеспечит — даже используя угрозу ядерным возмездием — оборону нашей обширной территории.

М. СМАГИН. Не согласен, что небольшая профессиональная армия нас не устраивает. Почему бы нет? Такая армия, комплектуемая на добровольческой основе, не была бы оторванной от народа кастой и эффективно выполняла бы свои функции. Поэтому нельзя с порога отменять концепцию «малой профессиональной армии». И не надо забывать, что речь идет об армии мирного времени, предназначенной для пре-

дотворачивания войны и опирающейся на непроверяющую военную доктрину, а не об обороне нашей большой территории на всех азимутах одновременно. Для этого, конечно, потребовалась бы всеобщая мобилизация.

А. САВИНКИН. Но нередко за суждениями о профессиональной армии кроется стремление не к повышению качества армейской системы, а к откату от принципа всеобщей воинской обязанности, нежелание служить в армии.

Л. САРАСКИНА. Меня как раз и интересует политическая концепция закона о всеобщей воинской повинности. То, как этот закон согласуется с новым политическим мышлением. И главное — как сегодня без демагогии и вранья объяснить десятикласснику или первокурснику — зачем армии нужны все наши юноши поголовно?

«Почему нельзя, чтобы в нашей стране служба в армии была делом сугубо добровольным?» — спросила я одного военного. «Потому что тогда никто не захочет служить», — ответил он. «Но ведь в других странах нет обязательной военной службы», — настаивала я. Однако мой собеседник был столь же настойчив: «Уровень сознания общества, культура населения, моральная атмосфера в армии и ее материальное обеспечение таковы, что ожидать добровольцев не приходится».

М. СМАГИН. То, что принципы не должны возводиться в догму, навязываться жизни, обществу, — истина, ставшая в последнее время весьма популярной. Наверное, не является в этом отношении исключением и принцип всеобщей воинской обязанности. Тем более, что на практике он оказывается не таким уж всеобщим. Может, более демократическим и социалистическим является принцип всеобщего обучения военному делу или даже всеобщей доступности военного дела? А ведь обучение военному делу можно проводить в разных организационных формах. Далекое не исчерпаны, например, возможности ДОСААФ. И потом, принцип всеобщей воинской обязанности жестко связывает численность вооруженных сил с демографическим фактором: количественный рост призывного контингента автоматически приводит к увеличению их численности

и наоборот. Поэтому в будущем, в случае резкого сокращения вооруженных сил этого принцип может оказаться не очень удобным даже чисто технически.

Наверное, следует просветить рентгеном исторической истины и концепцию регулярной массовой армии в целом и посмотреть, насколько эта концепция марксистская. Не исключено, что она сталинская модернизации, так как регулярная массовая армия в наибольшей степени соответствует политическому режиму, от рудиментов которого мы сейчас освобождаемся. И если мне возражат, что дескать это В. И. Ленин говорил о массовой армии, то он говорил об армии, которая ведет войну, об армии военного времени. А мы сейчас должны заниматься армией мирного времени с учетом, конечно, существующей военной угрозы.

А. САВИНКИН. Практика военного строительства указывает на модель армии, которая соответствует современным условиям. Речь идет о кадрово-милиционной системе. Она существовала у нас в 20-х годах.

Никаким усложнением военного дела или обстановки нельзя оправдать искусственное свертывание кадрово-милиционной армии в 30-е годы, перевод ее на регулярную постоянную основу. Это противоречило воззрениям Маркса, Энгельса, Ленина, которые всегда выступали за замену постоянной армии милицией. Регулярная массовая армия периода гражданской войны рассматривалась как переходный тип армии на пути к классовой, а затем и всеобщей милиции. Сталинский политический режим, осуществлявший репрессии против своего народа, демократическая форма организации вооруженных сил не устраивала. К большим экономическим затратам привел отказ от восстановления в начале 60-х годов территориально-милиционной системы в рамках Советских Вооруженных Сил. ЦК КПСС, Советское правительство при Н. С. Хрущеве активно занималось этой проблемой. Ничего, однако, не получилось, так как административно-бюрократическому аппарату легче и выгоднее было иметь дело с постоянной регулярной армией.

В современных условиях имеются все возможности, чтобы восстановить такую

систему. Тем более, что милиционные тенденции устойчиво развиваются в ряде социалистических и капиталистических государств, усиливая их способность к отражению агрессии. При такой системе за короткое время в случае необходимости можно выставить значительную подготовленную военную силу. И при этом в мирное время иметь только небольшое кадровое ядро, опирающееся на широкую сеть территориально-милиционных формирований. Всеобщая воинская обязанность сохранится, но характер ее коренным образом изменится. Она станет более демократичной, гуманной, дифференцированной. Только в этом случае обеспечивается непосредственная связь армии с народом в рамках демократического общества.

Военная служба, с одной стороны, профессионализируется, а с другой, — максимально приближается к производительному труду, характеризуется вневказарменным военным обучением, короткими сроками. В перспективе новая

военная система в ходе военно-политической разрядки может трансформироваться в «чисто» милиционную армию.

Кадрово-милиционная армия наиболее оптимально соответствует и новой военной доктрине стран-участниц Варшавского Договора. Она позволит гибко реагировать на динамику разоружения.

Переход к кадрово-милиционной системе позволит избежать крайностей военного строительства, уйти от развития армии как постоянной и массовой, которая при сложившейся структуре вооруженных сил может восприниматься как потенциальный фактор военной угрозы вне зависимости от политических намерений.

М. СМАГИН. Может быть, стоит подумать о том, чтобы разделить функции обеспечения национальной безопасности, с одной стороны, и военного обучения, подготовки резерва, с другой? Скажем, первое оставить на кадровой профессиональной армии, а подготовку резерва, военное обучение граждан вынести

Рисунок Гарифа БАСЫРОВА (СССР)

за рамки армии, проводить в какой-то иной системе...

А. САРАСКИНА. Меня интересует, что собой представляет сегодня моральный дух армии, из чего он складывается? Каков сегодня воспитательный потенциал армии?

Я знаю сотни рассказов демобилизованных солдат о так называемых неуставных отношениях. Это страшные рассказы об унижениях и оскорблениях человеческого достоинства, о преступлениях против нравственности и совести. Дедовщина, о которой только недавно стали говорить вслух, — по сути дела, узаконенное рабство, очень удобное для начальства, привыкшего загребать жар чужими руками.

Армия для сохранения своего престижа и авторитета должна была бы сама — через свои газеты, радио и телепередачи — рассказывать о случаях произвола, нарушениях закона и устава. Но вместо этого — сусальные программы типа «Служу Советскому Союзу!» с привычным бодрячеством под звуки марша.

Армия, ее идеологи и трубадуры (вроде писателя А. Проханова) до сих пор уверены, что погрузиться в армейские «порядки» и выжить — это и значит стать человеком, мужчиной, и что через такое погружение нужно провести все юношеское население страны.

В. СЕРГЕЕВ. Складывается впечатление, что не все из нас в своих рассуждениях исходят из того, что армия и ее функции порождены обществом, что именно общество порождает в главном и основном как положительные, так и отрицательные явления в армии. Ведь армия это «сколок» с общества, его неотъемлемая часть. Думается, из этого следует прежде всего исходить в анализе протекающих в армии процессов.

И еще на один момент хочу обратить внимание. Проблемы жизни и быта армии обсуждаются сегодня на страницах многих журналов и газет. Это позволяет гораздо глубже и полнее видеть жизнь армии и ее проблемы, составлять представление об армии как бы извне и изнутри одновременно. Но уже появилась настоятельная потребность сказать о целесообразности более взвешенного, аргументированного и ответственного подхода к этой теме. Так, например, до-

статочно широко и эмоционально обсуждаемая проблема нарушений военнослужбскими уставными отношениями в силу легковесности и некомпетентности некоторых суждений отрицательно влияет на желание части советской молодежи служить в армии. Понимание же воинской службы как трудной, но почетной и общественно необходимой обязанности само по себе является мощным положительным фактором воспитания советской молодежи. Армия объективно способствует ускорению политического, социального, духовного и физического развития молодежи.

Р. БОГДАНОВ. Я думаю, прошел тот период, когда Советская Армия рассматривалась как всесоюзный воспитательный клуб. Мы через все это уже прошли. Не знаю, нуждается ли наше общество в этом.

А. ПАНКИН. Мне кажется, что тезис о том, что критика, мол, подрывает боевой дух армии, просто смешотворен. Что стало поводом для таких упреков? Нескольких статей писателя А. Адамовича, повесть Ю. Полякова «Сто дней до приказа», телевизионное выступление Э. Рязанова, дюжина публикаций в печати. С чьей стороны раздаются эти упреки? Со стороны представителей армии, располагающей Главпуrom, приравненным к отделу ЦК, разветвленной сетью ведомственной и массовой печати, еженедельной часовой телепрограммой, многомиллионным ДОСААФом, начальной военной подготовкой. И если вся эта махина вдруг почувствовала себя неуверенно от робких улолов критики, это может свидетельствовать лишь о двух вещах: либо, если стоящие перед ней задачи верны, она работает из рук вон плохо, либо эти задачи настолько нереалистичны, оторваны от жизни, что их не способен выполнить даже самый идеально отлаженный механизм.

А. КОКОРИН. Позволю себе усомниться в выводе о том, что армия перестала быть «воспитательным клубом». Да, рассматривать армию только как школу воспитания неверно. Как, видимо, ошибочно не считаться с тем, что есть изменения в системе, способах воспитания армейцев. Они иные, не те, что были вчера, позавчера. Более того, есть новые проблемы, связанные с решением

задач воспитания в армии. Есть негативы в этом деле, на которые никто не сможет закрыть глаза именно потому, что они есть. Но еще, по-моему, не пришло время для того, чтобы напрочь отрицать воспитательную функцию армии. Мы не раз проводили исследования, которые подтверждают вывод о том, что подавляющее большинство ребят, отслуживших в армии, на себе ощутили ее воспитательное действие. Так что давайте в этом вопросе будем серьезны, обстоятельны, объективны. Объективны — это значит внимательны не только к позитивному воздействию армии на ребят, но и к тем проблемам, которые в ней есть. При этом, стремление к новациям не должно отрицать данные социологической науки. А они свидетельствуют о том, что еще рано сдавать в архив воспитательную функцию армии.

Ю. МАМОНТОВ. Надо признать, что застоильные явления и процессы не обошли и Советские Вооруженные Силы. В общем плане они выразились в повторении из года в год одних и тех же просчетов и упущений, мешающих решению задач по укреплению боевой готовности войск; в проявлении благодушия и самоуспокоенности военнослужащих; в ослаблениях, упрощениях, отрыве личного состава от занятий, их плохой организации и отрыве от практических задач; в выпячивании показной стороны боевой подготовки, нарушении ее планомерности; в медленном внедрении в боевую подготовку достижений научно-технического прогресса; в негативных явлениях в воинской дисциплине, особенно в области взаимоотношений военнослужащих разных низов прохождения срочной службы; в низком социальном статусе офицеров, отсутствии подлинной управленческой самостоятельности офицеров и младших командиров; в отсутствии социальной справедливости в оценке результатов труда, наличии уравниловки в оплате, независимо от достигнутых конечных результатов; в формализме при организации социалистического соревнования и т. д.

А. НУЙКИН. Думается, нам стоило бы расширить подход к обсуждаемой проблеме. Пока разговор ведется у нас в основном в технократическом ключе.

Наше отношение к армии, ее будущему, ее статусу и модели мы обсуждаем не с позиций перспектив социального (в том числе политического) развития общества, а в соответствии с частными, во многом мифологическими, во многом фальсифицированными, во многом преходящими факторами сегодняшнего дня. Такой подход ведет к заведомому оправданию всего, что у нас делается в военной сфере, к сохранению незыблемости нынешней военной экономики, нынешних армейских порядков. Но меня сейчас волнует особого рода вопрос. С кем окажется армия, если у нас перестройку решат ликвидировать насильственными средствами?

Н. ЧАЛДЫМОВ. А вы вообще считаете этот вопрос корректным?

А. НУЙКИН. Пусть оно будет некорректным, главное, чтобы не оказался запоздалым. Потому что, если мы сейчас побоимся такого рода вопросов, мы можем оказаться совершенно неподготовленными к каким-то неожиданным вариантам развития событий. А потом снова начнем вздыхать о неподготовленности народа к демократии, о трагизме исторического пути и т. д.

С. ЮПЕНКОВ. То есть нужно ли будет отстаивать перестройку с оружием в руках?

А. НУЙКИН. И такой вариант мы не вправе исключать, если мы исходим из того, что все остальные пути, кроме перестройки, ведут к катастрофе. И это не «жареные мысли». Эти опасения спровоцированы не журналистами, а теми, кого не устраивает перестройка.

Впереди у нас явно называют очень серьезные события. Я не думаю, что поворот к решению тех проблем, которые подняты на XXVII съезде, провозглашались на пленумах и т. д., произойдет благостно, безболезненно и бесконфликтно. Конфликты уже сейчас достаточно откровенно вырвались наружу. Чиновники, бюрократы, аппаратчики и иже с ними оказывают нынешнему курсу партии весьма мощное противодействие, причем противодействие, порой далеко выходящее за рамки конституционных методов. Так что было бы легкомыслием исключить возможность заговоров, которые могут произойти в соответствующих кругах. В том числе и

с подключением военных. Пока это, конечно, только абстрактная вероятность, но... Пропасть между аппаратчиками и рядовыми коммунистами, бюрократией и народом растет очень быстро, не исключено, что армии придется говорить свое слово, делать свой выбор. Каким он будет — это не может нас не волновать.

А. КОКОРИН. Почему будет? Армия на стороне народа, осуществляющего перестройку. Армейцы за перестройку, верят в нее, осуществляют обновление армии, что, думаю, совпадает с интересами народа.

А. НУЙКИН. А мы, гражданские, не знаем, какая сейчас ситуация в армии, за перестройку ли выступает ее офицерский корпус или против перестройки. Мы можем только предполагать, что в армии, как и в любой другой сфере, наверняка есть сторонники перестройки, но не вызывает сомнения, что там много и ее противников. Так же, как и в других кругах. Но в «других кругах» у противников перестройки оружия в руках все-таки нет, а у тех, которые в армии, есть. Поэтому очень важно, какую позицию в этой ситуации займет армия. Это без преувеличения жизненно важно для всей нашей дальнейшей истории.

Опыт прошлого достаточно четко показывает ситуацию, в которых армия становится решающей политической силой внутри страны. Он показывает и другое: в большинстве случаев внешние конфликты и миражи угроз начинают создаваться и звинчиваться для решения внутренних политических и социальных проблем. И заигрывание с армией, и подкармливание ее, и потрафление генеральским амбициям — все это было в истории тысячи раз. Нам только важно понять сейчас, что мы отнюдь не вышли из такого рода исторических сюжетов, что и с нами многое может произойти такого же, что мы видим в прочих странах. Вот почему, го-

воря о такой теме, как «Армия и общество», хотелось бы поставить ключевой вопрос, какова позиция армии относительно перестройки?

Именно не «перестройка в армии», а «перестройка и армия» представляется мне сейчас главной темой разговора, потому что я убежден: все остальные вопросы решатся только после того, как проявится наша ситуация с перестройкой. Победит перестройка — это и для армии будет одна ситуация. Вернемся к старому — для армии совершенно другая ситуация. Поэтому первым вопросом остается перестройка и армия, позиция военных людей относительно перестройки.

С. ЮШЕНКОВ. Вопрос А. Нуйкина интересен. Я бы поставил его так: насколько вообще возможно использование армии при социализме против интересов народа? Думаю, что вся история нашей армии дает вполне ясный ответ: у армии и народа — одна судьба. Это не просто слова. Кто больше всех подвергался репрессиям в 30-е годы? Лучшие представители народа, партии и армии. Об этом свидетельств достаточно. Кроме того, немаловажный факт: армию так и не удалось использовать ни одной группировке в корыстных целях. Наоборот, свержение Берия, например, невозможно было бы осуществить без

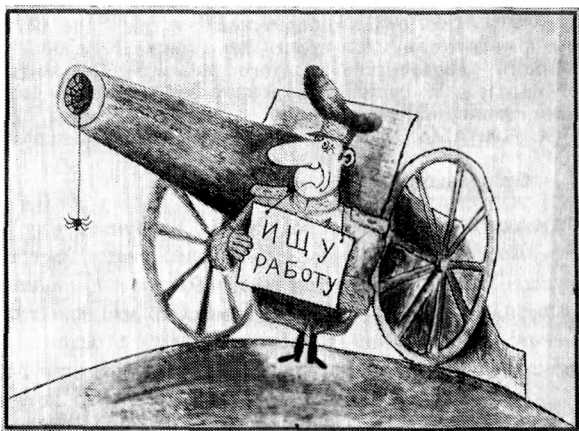

Рисунок Галины и Валентина Караваяевых (СССР)

армии. А Чернобыль? Свидетельство академика Лёгасова о роли армии в ликвидации страшных последствий в комментариях не нуждается. Сохранится ли такое единство между армией и народом при переходе армии на профессиональный статус? Ведь профессиональную армию легче использовать в любых целях... Вот вам пример ситуации, когда решение одной проблемы способно породить другую.

И все же, по всей видимости, будущее нашей армии на пути профессионализации. Вот почему уже сейчас необходимо думать о создании более совершенного механизма взаимосвязи общества и армии. На мой взгляд, необходимо идти по пути демократизации армии. Вот лишь несколько идей. Одним из первых шагов могло бы стать создание во всех частях Советов, в состав которых входили бы не только представители всех категорий военнослужащих, но и представители местных партийных, государственных и комсомольских органов.

В настоящее время у нас на этом уровне осуществляется главным образом односторонняя связь: как правило командиры и замполиты частей являются членами райкомов партии, депутатами местных Советов и т. д. Обратной связи практически нет. А она необходима.

А почему бы не подумать о создании товарищеских судов солдатской чести, которые могли бы стоять на страже личного достоинства каждого солдата? Нуждаются в существенной переработке и сами воинские уставы.

Н. ЧАЛДЫМОВ. Сейчас в наших Во-

оруженных Силах работает специальная комиссия по выработке новых воинских уставов. Очень важно чтобы появились действительно качественно новые уставы, способные стать стержнем поддержания высокой боевой готовности и дисциплины в Советских Вооруженных Силах, с учетом обязательной демократизации отношений в воинских коллективах, демократизации сознания воинов.

Р. БОГДАНОВ. Наверное, уже можно подвести некоторые итоги нашей беседы. Армия у нас — давайте честно скажем это — была компенсацией всех наших внутренних язв. Вся наша мощь и величие в течение многих десятилетий держались на ней. И может, те, кто принимал решения, из-за отсутствия желания что-либо менять в других сферах перекачивали ресурсы в военный фактор. Армия сохранялась и развивалась, я бы сказал, в статичном обществе. Но сейчас-то она попала в совсем другие условия. Сейчас идет процесс, совершенно для нас незнакомый. Общество пришло в великое движение, чего раньше никогда не было. В силу ряда причин и особенностей многие военные, возможно, ожидают, что общество, находящееся в движении, должно приспособиться к их нуждам. А может быть, наоборот? Они должны приспособиться, быть более гибкими? А скорее всего, необходимо встречное движение.

Думаю, сегодняшний разговор надо рассматривать как начало важной проблемной дискуссии. Почему бы не продолжить ее в Комиссии по разоружению при Советском комитете защиты мира с привлечением наших ведущих военных и гражданских теоретиков?

От редакции.

Актуальность и остроту темы, избранной для «круглого стола», его участники почувствовали через несколько дней после заседания. Узнав о содержании дискуссии, высокое военное начальство с высокой государственной трибуны выразило свое неодобрение, намекнув, что «на так называемых «круглых столах» некоторых редакций кое-кто стремится выяснить, на чьей, дескать стороне будет армия, если перестройка наберет больший темп и размах».

Редакция считает — это ее позиция — что хотя армией у нас командуют военные профессионалы, она тем не менее подотчетна обществу, и нам, общественности, не безразлично, как идут дела у граждан, которым мы поручили заниматься обороной нашего государства.

ГОСТИ ЗАМКА ДРОМОЛЕНД

Автор этих заметок побывал в составе делегации Советского комитета защиты мира на третьей ежегодной конференции ученых и бизнесменов, организованной Центром международного сотрудничества (Ирландия). Тема обсуждений, «Глобальные связи — основа международного сотрудничества», имеет остро практическое значение для нашей страны, решающей в ходе перестройки своей внешнеэкономической деятельности задачи включения в глобальную систему информации и коммуникаций.

Эта конференция, как и две предыдущих, называется шэннонской. Дело в том, что ее спонсор, Центр международного сотрудничества, созданный два года назад, имеет своей базой крупный (более миллиона пассажиров ежегодно) международный аэропорт Шэннон вместе с прилегающей торгово-промышленной зоной, свободной от пошлин.

Ничто так не сближает и не сплачивает людей, как общее серьезное и доброе дело. «Пять ведущих ирландских компаний объединили усилия с целью содействия строительству мирового общества», — говорит Брендан О'Риган, председатель Ирландского института мира. — Когда коммерческие предприятия видят и воспринимают подобную задачу как часть своего профессионального дела, пробуждаются огромные скрытые возможности». Помним мы и высказывание такого крупного авторитета в международном бизнесе, как Митчел Макнамара. Создание мирного сообщества, утверждает он, должно основываться на четко установленных реалиях, ведущих к долговременным, неослабным и фундаментальным программам деловой активности, включающим планирование, оборудование и оценку возможных результатов.

Естественно, что внимание мыслящих в подобном направлении деловых людей обращается к современным средствам связи, нервной системе нашего века информации. Участников конференции (отметим попутно, что это в основном молодые люди не старше сорока) — руководителей крупных промышленных компаний и видных специалистов в области современных средств дальней связи — интересовал новый подход, диктуемый насущными потребностями «информационного общества». Он состоит в том, что самые выдающиеся технические достижения, включая спутники, лазеры, компьютеры и невиданные по своей способности надежно передавать гигантские потоки информации волоконно-оптические кабели, — все это теперь не просто очень выгодный бизнес. Это еще и средство установления всеобщей связи между людьми, улучшения их здоровья и быта, повышения уровня их культуры. Короче, это реальный путь ко всеобщему планетному объединению, которое предвидел и глубоко обосновал наш замечательный ученый Владимир Вернадский.

Достаточно красноречивы уже названия докладов, произнесенных на конференции: «Глобальные коммуникации в

аспекте мира на Земле», «Влияние глобальных систем связи на региональное экономическое развитие», «Перспективы спутниковой связи в международном сотрудничестве», «Интернациональная кооперация в области мирового здравоохранения» (на примере советско-американского соглашения). Под стать им и обстоятельный доклад нашего ученого П. Курокова — об использовании спутниковых систем связи для решения национальных проблем радио и телевидения в такой протяженной стране, как СССР.

На конференции подчеркивалось, что развитие международных систем связи и объединение их к началу следующего тысячелетия в глобальную сеть представляются вполне осуществимым шагом к постепенной интеграции человечества, к ликвидации разобщенности мира со столь характерными для него международной напряженностью и нестабильностью.

Развитость телефонной связи — один из важнейших индикаторов общего уровня страны. Изю всех 670 миллионов телефонов, имеющихся сегодня на планете, добрые три четверти приходится на восемь промышленно наиболее развитых стран. «Греть мир», с его 70 процентами населения и 20 процентами выпуска мировой продукции, довольствуется пока только 7 процентами всех телефонов. В одном Токио этих аппаратов сегодня больше, чем на всем Африканском континенте! Создана Независимая международная комиссия, призванная, уже к 2000 году решить проблему связи в странах третьего мира, находящийся в особенно тяжелом положении. Например, в Эфиопии на 1000 человек приходится 3 телефона, в то время как в Брюсселе — 700, а в Лос-Анджелесе — 920.

Гигантский прогресс в получении сверхпрозрачного для света стекловолокна привел к быстрому развитию волоконно-оптической связи не только в национальных, но и трансконтинентальных масштабах. Помимо огромной пропускной способности, обусловленной сверхвысокой частотой лазерного луча, бегущего по тончайшим стеклянным нитям — световодам, подобные системы совершенно нечувствительны к обычным

помехам и отличаются сказочной надежностью. Первый такой трансконтинентальный кабель будет пущен в работу в 1992 году. Он свяжет США с Британскими островами. Уже до конца текущего столетия планируется продолжить волоконно-оптические кабели в регионе Средиземного моря, на Ближнем Востоке и странах Южной Азии, вплоть до Малайского полуострова, где сосредоточены крупные центры мирового бизнеса. Добавим, что уже сейчас две трети внутренней телефонной службы США переведены на стекловолокно. В итоге вполне определенно очерчиваются контуры Глобальной системы связи, охватывающей планету и опирающейся на двух «китов»: спутники и волоконно-оптические каналы.

Естественно вошел в профиль конференции и доклад почетного профессора Александра Кинга — одного из создателей и нынешнего президента Римского клуба, отмечающего в этом году свое двадцатилетие... Эта неправительственная организация не имеет спонсора, что обеспечивает ей независимость в рассмотрении глобальных проблем. Авторитетные мнения и экспертные оценки Римского клуба, например, разработка математических моделей устойчивого грядущего, широко известны во всем мире. К нашей национальной ассоциации Римского клуба примыкает, в частности, центр по экологии и коволюции имени В. И. Вернадского, созданный при Советской комиссии ЮНЕСКО.

* * *

На безглаго слово со страной у нас были не дни, а часы. Запомнились пасторальные пейзажи с вечнозелеными дугами, ярко окрашенные коттеджи, отличные дороги и великолепный вид на Атлантику, открывающийся с двухсотметрового обрыва Моэрских скал.

Что сказать об ирландцах? Это люди собранные, неторопливые, радушные и прекрасно знающие свое дело. В общении у них — ни тени чинопочитания, подобострастия. Норма — спокойное достоинство с неизменным присутствием юмора. Приятно удивил, кстати, высочайший уровень организации встречи. Деловая повестка дня и культурная программа были расписаны буквально по

минутам и скрупулезно соблюдались без столь привычного нам напряжения и истощающих разносов.

* * *

Нет уже никаких сомнений, что через какой-то десяток лет окружающий нас мир, благодаря быстрому прогрессу средств связи, окажется неизмеримо лучше просвещенным, организованным и сплоченным, чем сейчас. Вступая в век информации — готовы ли мы к достойному и эффективному сотрудничеству с подобным миром?

Позиция наших компетентных ведомств и директивных органов, несмотря на очевидную актуальность вопроса, представляется мне, после всего увиденного, довольно неопределенной и внушает серьезную озабоченность.

Напомню, что общественная ценность информации весьма специфична и прямо зависит от способности воспринимать те или иные сведения. Это означает, что помимо значительных капиталовложений в средства связи, «информационное общество» должно обладать намного более высоким уровнем общей и профессиональной культуры и соответственно более совершенной системой всеобщего воспитания и образования. Все это с необходимостью требует, в свою очередь, не только фундаментальной и действенной идеологической основы, но и свободного доступа к мощным потокам информации, как внутренней, так и внешней.

Между тем, давно не секрет, что, под лозунгами борьбы с враждебной идеологией и повышения бдительности, на пути естественного стремления советских людей к знанию собственной истории и прямому всепланетному общению систематически воздвигались всякого рода заборы и барьеры. Но к чему привело, скажем, глушение зарубежных «радиоголосов»? Прежде всего, к атрофии и фактическому разоружению бесчисленного корпуса наших «ответственных за идеологию», приученных играть в одни

ворота и полностью самоустранившихся от столкновений с противником в открытом бою.

А загадочная боязнь каких-то высших инстанций позволить любому советскому человеку, самому, без посредничества телефонистки, набрать нужный номер зарубежного абонента прямо из квартиры или уличного таксофона? Так давно-давно делают во всем мире, и рано или поздно мы к этому тоже придем. Только лучше бы — пораньше: без такой «мелочи» трудно всерьез рассчитывать на полнокровное наше участие в международной экономической интеграции.

Уже из этого ясно, что создание глобальных систем связи, как основы международного сотрудничества, выходит за рамки чисто инженерных задач. Это прежде всего важная социальная и нравственная проблема, насущно необходимое условие перестройки. По существу перед нами дилемма: сделав соответствующий рывок, активно включиться в Глобальную систему связи в виде ее органической части или же, сохранив прежние, то есть недопустимо медленные темпы развития средств связи, отстать от мирового уровня уже безнадежно.

Первый путь, служа естественным этапом дальнейшего развития социалистической демократии и гласности, послужит не только надежным гарантом мира и стабильности на планете, но и в максимальной степени станет способствовать взаимовыгодному международному сотрудничеству и процветанию во всех областях. Второй вариант явно чужд духу перестройки и представляется совершенно неприемлемым, поскольку он будет означать по сути, пагубную самоизоляцию от остального мира и неизбежно связанный с нею экономический и нравственный застой...

Аскольд СИЛИН,
член оргкомитета Центра
имени В. И. Вернадского.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ УЕЗЖАЕМ

Леонид ГОЗМАН,
Александр ЭТКИНД

Мы не уехали. Нас так часто спрашивали, когда же мы это сделаем, или утверждали, что кто-то из нас уже «там», что нам показалось важным понять, почему мы этого не сделали.

Может быть, нам повезло больше, чем другим? В свое время оба мы поступили в университет, потом были распределены в престижные учреждения, защитили диссертации. Однако люди с благополучной профессиональной судьбой уезжали отнюдь не реже тех, кто после университета работал шофером или дворником.

Может быть потому, что мы боялись оказаться там никчемными и нищими? Вряд ли. Мы всегда понимали, что эмиграция — не сахар. Но оба мы вполне уверены в себе. Нашей квалификации и способностей хватало бы на то, чтобы после неизбежно тяжелого периода адаптации каждый из нас нашел бы себе дело по душе и не имел бы особых материальных проблем.

Разлука с близкими, потеря контактов — вот это, действительно, серьезно. В прежние годы именно это держало нас больше, чем что-либо другое. Для любого человека даже смена города, не говоря уже о стране, влечет за собой разрыв многих связей. И все же дело не в эмоциональных зависимостях. Они есть, но этого объяснения недостаточно.

КТО — МЫ?

Мы понимаем ответственность самой попытки подойти к болезненной теме отъездов. Исследований в этой области в стране не велось, никакими точными данными мы не располагаем. Тем не менее, попытаемся соединить профессиональный взгляд социальных психологов с нашим личным опытом, опытом людей,

которые в силу национальной принадлежности, образа жизни и личных связей долгое время были вовлечены в круг переживаний, связанных с эмиграцией.

Оба автора этой статьи — евреи. И наши размышления в определенной степени связаны с осознанием нашей национальной идентичности. Национальное самосознание людей, в паспорте которых написано «еврей», столь же разнообразно, как и в любой этнической группе. На одном полюсе спектра — национализм, превеличие отличий нашего народа от других, переживание его уникальности и избранности. Подобное самооощущение ведет к пессимистической оценке будущего евреев в СССР и делает выезд единственным выходом для еврея или даже его долгом по отношению к следующему поколению. Согласно другой крайности, национальная идентичность — не более чем отживший предрассудок. Сторонники этой точки зрения уповают на полную ассимиляцию как единственный способ решения еврейского вопроса. Официальная точка зрения прежних времен была близка к этой: любое национальное самосознание осуждалось, а еврейское в особенности. Всякие признаки еврейства воспринимались как что-то неприличное или некрасивое, а еврей имел тем больше шансов войти в общественную жизнь, чем меньше он был похож на еврея своим лицом, характером и образом мыслей. И конечно, чем в меньшей степени евреем он сам себя считал.

Мы не разделяем ни одной из этих позиций. Очевидна несостоятельность идеи полной детерминации жизни человека его национальной принадлежностью. Но мы не можем согласиться и с надеждой на отрицание национального самосознания, в том числе и еврейского. Если бы и не было антисемитизма, мы бы

все равно чувствовали себя евреями, а не только числились бы ими «по паспорту». При этом мы не знаем языка, не религиозны, не придерживаемся национальных традиций в быту. «Двойной счет» дискриминации приучил нас к тому, что для тех же социальных достижений нам нужно создать гораздо больше, чем нашим ровесникам. Для личного развития каждого из нас эта жесткая ситуация была, скорее, конструктивной. Однако пройти через нее, не зафиксировавшись на национальных проблемах, удается далеко не всем.

Национальное самосознание имеет смысл и ценность, когда оно позитивно. Мы гордимся историей нашего народа, его вкладом в мировую культуру. Наше национальное чувство не означает предпочтения евреев перед неевреями. Об этом можно говорить много; достаточно того, что мы оба женаты на русских женщинах. Но нам лестно знать, какие люди — художники, ученые, поэты — принадлежат к нашему народу, даже если они в свое время выехали из Советского Союза.

Многие из уехавших евреев в качестве главной причины для выезда называли бы антисемитизм. Его видели в дискриминации при приеме на работу, в вуз, при повышении по службе. Антисемитизм 70- и начала 80-х годов был более всего бюрократическим феноменом. Соответствующие акции осуществлялись чиновниками, которые могли и не разделять националистических предубеждений. Если этим чиновником волею случая оказывался еврей, то он, как ни неприятно писать об этом, проводил эту политику с не меньшим, а то и с большим рвением. Ни один народ не имеет лицензии на порочность.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ?

В обыденном сознании новая эмиграция характеризуется, прежде всего, по национальной принадлежности. Едут евреи. Кроме, того, едут немцы, армяне и некоторые другие. Вследствие такого представления, во многом разделявшего-

ся властями, проблема эмиграции стала восприниматься как проблема некоторых национальных меньшинств, не имеющая общегосударственного значения.

Подобный подход, даровавший определенные права одним нациям и отрицавший их у других, фактически действует и ныне. Порядок выезда, при котором дело принимается к рассмотрению исключительно по мотивам воссоединения семей, создает преимущество представителям тех народов, которые имеют широкую и политически сильную диаспору или национальную государственность вне СССР. Объективно этот подход способствовал резкому усилению национальных противоречий внутри страны.

На деле проблема эмиграции является национальной проблемой только в той степени, в какой любая политическая проблема имеет национальные аспекты. Существует по крайней мере одна межнациональная общность — послевоенное поколение интеллигенции больших городов, — для которой проблема выезда столь близка, что вопрос: «Почему остаешься?» стал звучать здесь не менее естественно, чем вопрос: «Почему уезжаешь?». Можно только гадать, какой национальный состав обрела бы группа эмиграции, если бы в предоставлении права на выезд была снята национальная дискриминация. Наше предположение состоит в том, что процент евреев в этой группе сразу же стал бы значительно меньше. Известен и тот факт, что значительная часть эмигрантов направляется на деле не в Израиль, а в США и Западную Европу. Если бы большинством двигателя национальная еврейская идея, их маршрут, вероятно, был бы иным.

Вот несколько характерных историй.

Лев Маркович Веккер, доктор психологических наук, профессор Ленинградского университета, автор фундаментального трехтомника «Психические процессы», один из создателей факультета психологии в ЛГУ. Мы оба были его учениками, а он был для нас не только профессором, но и нравственным примером и старшим товарищем. Уезжать

он никогда не собирался. Но то, что производило на факультете психологии его руководство, по нравственным и профессиональным критериям для Льва Марковича было разрушением факультета. Молчать Веккер не хотел и не мог. Серия открытых конфликтов закончилась увольнением. Просидев немало времени без работы, Лев Маркович подал заявление на выезд. После долгих лет отъезда, в течение которых он написал еще одну книгу, выехал в США. Теперь он профессор Вашингтонского университета и книга его выйдет, к сожалению, не у нас.

Ефим Григорьевич Эткинд, доктор филологических наук, профессор Ленинградского педагогического института им. Герцена, член Союза писателей. Многие годы он был в центре литературной жизни города — писал, переводил, преподавал, помогал тем, кто оказывался в беде.. Был, к примеру, свидетелем защиты на суде, который судил (и осудил) И. Бродского за тунеядство — доказывал, что писание стихов есть труд. Е. Г. Эткинд был принципиальным противником отъезда. Известно его открытое письмо к человеку, решившему уехать, — в нем сформулирована ясная политическая позиция: бороться за культуру надо здесь — где существует твоя культура. В 1976 году по представлению КГБ Е. Г. Эткинд был уволен с работы, исключен из Союза писателей, вскоре ВАК лишил его степеней и званий. Поводом служил попавший не по адресу короткий отзыв на Собрание сочинений Бродского. Не выдержав опалы, Ефим Григорьевич выехал во Францию. Заведущая кафедрой структурной филологии Парижского университета, он много сделал для того, чтобы познакомить и Запад, и нас с великой русской литературой. Составленное им собрание переводов Пушкина считается лучшим изданием поэта на Западе. А недавно «Книжное обозрение» рассказало о том, какую роль сыграл Е. Г. Эткинд в возвращении к нам рукописи романа В Гроссмана «Жизнь и судьба».

Двое этих людей уехали пожилыми и знаменитыми. Но вот еще две истории, которые касаются наших сверстников и коллег.

Валерий Максименко, кандидат психо-

логических наук. Преподавал инженерную психологию в одном из вузов Москвы. Увлечшись психоанализом, начал самостоятельно работать и обнаружил, что официально заниматься этим негде и сама тема фактически под запретом. Подал заявление на выезд. Несколько лет провел в отказе, зарабатывая на жизнь незаконной тогда частной практикой. Теперь в Париже, работает по специальности и заканчивает новую диссертацию. Ее тема — «История психоанализа в Советском Союзе».

Борис Гивадис, кандидат психологических наук. В юности активно занимался комсомольской работой, ни о каких политических разногласиях с системой речи не было. Работал в пионерском лагере «Орленок», прошел там путь от вожатого до зав. методическим кабинетом — должность в «Орленке» весьма серьезная. Поехал учиться в Москву в аспирантуру, защитил диссертацию, обратил в «Орленок» его не взяла — процесс, происходившие в лагере, так же как и во всем обществе, делали смелыми и талантливыми людей лишними, ненужными. Помогавшись по стране и убедившись в том, что его опыт и знания не могут найти себе применения, уехал в США. Там, в чужой стране, он оказался нужнее, чем на Родине, выполнял работу, аналогичную работе вожатого, в летнем лагере для мальчиков. Воспитывал американцев, а мог бы воспитывать наших ребят. Затем получил специальную лицензию и сейчас занимается психотерапией с детьми...

Если отслеживать эти судьбы так, как это делаем мы сейчас — задним числом — то отъезды кажутся предрешенными, неизбежными. Но каждый из этих людей совершал свои поступки, не думая об отъезде! Веккер пытался изменить состояние факультета, Эткинд вмешался в околολитературную борьбу, Максименко осваивал на практике новый вид психологической помощи. Они шли на риск потерять статус и зарплату, дом и — возможно — свободу. И бюрократическая система вытолкнула их, не задумываясь об издержках, не слушая просьб, жалоб, не находя компромисса.

Один из уроков эпохи «застоя» таков: профессиональная жизнь не может за-

менять жизни гражданской. И случилось, что единственным, хотя, конечно, весьма ограниченным политическим действием эпохи оказывался отъезд.

ОТЪЕЗДА ИЛИ ОТКАЗА?

Люди, непосредственно не связанные с проблемами выезда, имеют зачастую искаженное представление о тех трудностях, с которыми сталкивается эмигрант.

Часть из этих трудностей явно преувеличивается. Так, бытует мнение, что наши специалисты не могут получить за рубежом достойной работы. Врачи зарабатывают на хлеб в качестве таксистов, инженеры убирают мусор и, вообще, все живут на пособия. На деле, профессий, которые нужны здесь и не нужны там, не так много. Преподавателю научного коммунизма, действительно, трудно рассчитывать на работу по специальности.

В капле воды — океан. Этот наш консерватизм является лишь одним из выражений неприятия любых изменений, проявляющийся в самом широком спектре явлений современной общественной жизни: от настороженного отношения к кооперативам до сопротивления политическим реформам и, вообще, любым реорганизациям. Боязнь перемен, являющаяся подлинной болезнью нашего общества, выводится обычно из национальных характеров, историй, традиций народов СССР. Реже обращают внимание на то, что она провоцируется и воспроизводится самой организацией социальной жизни: остатками крепостничества (в виде обязательной прописки при неравноценности качества жизни в различных городах), поощрением длительной работы на одном месте и многим другим. Те, кто собираются уехать, тоже советские люди, в их слабостях и опасениях проявляются страхи каждого из нас. Вообще, мы убеждены, что осмысление опыта эмигрировавших сограждан может дать очень много для понимания того, что и почему происходит в нашем доме.

Процесс адаптации к жизни в чужой стране, даже при самых благоприятных

условиях, процесс тяжелый. Но с колоссальными трудностями человек сталкивается еще на Родине. Отъезд, оформляемый как воссоединение семей, в действительности практически всегда связан с их распадом. Действовавшие до сих пор правила обрекали людей на вечную разлуку. Прощаясь в аэропорту, они знали, что не увидятся никогда, не смогут даже прийти на могилу к близкому человеку. Легче всего обвинять в жестокости тех кто оставил здесь родителей. Жестокой и бесчеловечной является ситуация, которая заставляет человека делать выбор между матерью и женой, мужем и собственным ребенком, причем выбор окончательный и бесповоротный.

Нельзя сбрасывать со счетов и чисто бытовые, экономические проблемы. Резкое снижение уровня жизни, общественная изоляция, тревога за будущее — все это составляло синдром переживаний нашего соотечественника, не совершившего никакого преступления, а лишь пожелавшего жить в другой точке земного шара.

Эмигранты шли и на то отношение к себе со стороны других людей и общества в целом, которое неизбежно возникало к ним после принятого ими решения. Если близкие люди относились к отъезду, как правило, противоречиво, то общественное мнение реагировало на факт эмиграции однозначно — осуждением. Чувство это весьма специфическое, его нелегко понять иностранцам.

Почему человек, живший с тобой в одном доме и решивший его покинуть, оказывается более чужим и ненавистным, чем гость издалека? В обществе, построенном по образцу действующей армии, границы между своими и чужими являются абсолютными, как линии фронта. Человек, решивший их пересечь, покушается на самые сокровенные, существенные черты этой модели общества. Подобно тому, как в примитивных религиях наибольший страх и агрессию вызывают привидения, пришельцы с того света, так и в политической системе сталинского образца максимально ненавистны те, кто переходит границы между мирами — шпионы и эмигранты. Тяжкий груз этого стереотипа пришлось, конеч-

но, испытать тем, кто уехал. Но куда в большей степени с ним знакомы те, кто был причастен к отъезду, но по тем или иным причинам остался дома. Это отказники, во-первых, и родственники уехавших, во-вторых.

Положение отказников заслуживает отдельного разговора, а еще лучше — исследования. Лишившиеся статуса, работы, большей части дружеских связей люди находили свои способы выживания в жестоком к ним мире. Отказ с невразумительной формулировкой о «государственной нецелесообразности» обрекал человека на бесправную жизнь. Передумать, теоретически говоря, можно, но вернуться к прежней жизни, восстановить прежнюю работу и положение нельзя.

Отказники остаются советскими гражданами. Их трагедия не может и не должна оставлять нас равнодушными. Они есть и останутся, хоть и, надеемся, в небольшом количестве, еще долго. Видимо, и им надо найти нормальное место в плюралистическом устройстве нашего общества.

В той гамме чувств, которую провоцировала эмиграция, есть еще одна нота, и не сказать о ней было бы нечестно. Эмигрант теряет Родину, друзей, работу. Но потеряв в духовной части своей жизни, он скорее всего выигрывает в материальной, а среди любого народа есть немало людей, чувствительных к этим бранным, но все же ценностям.

До тех пор, пока уровень жизни в нашей стране и в странах Запада заметно отличается, любая форма отъезда за границу — туризм, командировка или эмиграция — будет вызывать у части наших соотечественников, наряду со многими другими чувствами, зависть. Односторонняя и, действительно, ничем не заслуженная привилегия, заключающаяся в праве на эмиграцию, не может не вызывать очень сложных противоречивых чувств у тех, кто этого права лишен. Поэтому существовавший порядок выезда, на наш взгляд, в определенной степени ответственен за те деформации межнациональных отношений, которые были столь характерны для эпохи массовых отъездов. Бюрократическая машина ОБИРОВ смыкается здесь с бредовой идеологией общества «Память».

Бывает, что законы отстают от морали, а в данном случае, мораль на десятилетия отстала от закона. Опыт цивилизованного человечества ясен: право на выезд из страны проживания и на возвращение в нее предусмотрены во Всеобщей Декларации прав человека.

Реализация свободного выбора страны проживания важна не только для делающего выбор человека. Возможность осуществлять это право — одна из гарантий свободы внутри страны.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ЕДЕМ?

Конечно, эмигрировала на Запад лишь небольшая часть интеллигенции. Но во внутреннюю эмиграцию ушло большинство. Даже для тех интеллигентов, которые занимали ответственные посты, и, следовательно, активно воспроизводили существующую систему, было характерно скептическое отношение к вышестоящему руководителю и к системе как таковой. Любые попытки ее изменения представлялись нереальными, высмеивались.

Перестройка для интеллигенции стала шансом выхода из внутренней эмиграции. Это не гарантирует одобрение происходящего: выхоят и в оппозицию. Но это означает интерес к социальной реальности и активную вовлеченность в политическую жизнь.

Нам бы в голову не пришло смотреть по телевизору выступления делегатов XXVI, да и XXVII съездов. А вот передачи о XIX партконференции мы смотрели от начала до конца.

Государственные институты и политические лидеры перестали быть поводом для насмешек — они стали объектом критики. Не все одобряют то, что говорят наши руководители, но уже никто не смеется, когда они появляются на экране. Возник не просто интерес к социальному миру — появилось ощущение возможности с ним взаимодействовать, быть услышанным и понятым.

Нам не хотелось бы оставаться на уровне абстракций. Что означает участие в общественном диалоге для каждого из нас?

Главным нашим гражданским долгом представляется использование наших

профессиональных знаний для анализа социальных изменений (хоть исследования эти и не могут быть включены в расписанные еще при Брежневле чуть ли не до трехтысячного года планы работы научных учреждений). Мы должны понять, что же действительно происходит и, поняв нечто, донести это понимание до других, сделать его фактом общественного диалога.

Все это можно и имеет смысл делать только здесь. Специалисты за рубежом даже из числа эмигрантов, профессионально и технически могут быть оснащены куда сильнее нас. Однако инструментом, обеспечивающим понимание, выступает не только исследование как таковое, но и эмоциональная вовлеченность непосредственный опыт гражданского участия.

Традиционное соотношение между профессиональной и гражданской позицией интеллигенции меняется. Долгое время интеллигенция заботилась лишь о выведении себя и своего дела из-под влияния авторитарных общественных структур. Сейчас, включившись в диалог с властью, требует большего — возможности равноправного партнерства. «Оставьте нас в покое», говорила раньше интеллигенция бюрократам, соглашаясь честно работать в обмен на относительную независимость. Сейчас, похоже, роли переменялись. Теперь уже бюрократы требуют покоя от интеллигенции.

В психологическом плане происшедшее необратимо. Актуализировавшиеся за три года потребности в политической активности могут быть вновь депривированы, но не могут исчезнуть. Политику и экономику можно силой повернуть назад, но люди никогда не станут такими, какими они были раньше. Психологическое развитие не имеет обратного хода.

И все же нас, как и многих других не перестает тревожить вопрос что же все-таки будет, если?.. Попытаемся ответить на него как психологи. Неудовлетворение сформировавшихся потребностей человека с необходимостью ведет к компенсаторной активности. Прекращение общественного диалога повлечет за собой беспрецедентную волну социальных девиаций и саморазрушающего поведе-

ния преступности, алкоголизма, самоубийств... И, конечно, резко возрастет число желающих покинуть страну. Те, кто вышел в свое время из внутренней эмиграции, вряд ли туда вернуться.

Ну, а сейчас, летом 1988 года, мироощущение, выразившееся словами «нам не нравится время, но чаще место», уступает острому интересу к происходящему, благодарности судьбе за то, что именно в это время мы оказались в этом месте.

МЕГРОПОЛИЯ И ДΙΑСПОРА

Приведенная выше цитата принадлежит лауреату Нобелевской премии Иосифу Бродскому, еврею, пишущему на родном для него русском языке, ленинградцу, живущему в Массачусетсе. То, что случилось с Бродским, было его личной трагедией и остается трагедией для всей советской культуры. И плохо не то, что Бродский живет в США.

Диаспора есть у многих народов. За границей своих государств живут миллионы китайцев, итальянцев, поляков, турок... Цивилизованные государства имеют нормальные отношения со своей диаспорой. У нас эти отношения патологические.

На существование диаспоры, так же как и на многие другие факторы, которые не укладываются в примитивные идеологические схемы, долгое время пытались закрыть глаза. Хуже того, — всякий след, оставленный на родной земле людьми, выехавшими из Советского Союза, подлежал уничтожению. Их книги изымались из библиотек, на их труды нельзя было ссылаться.

Время изменилось, и мы должны, не откладывая, наладить спокойное деловое взаимодействие с соотечественниками. Это не только гуманно, не только отвечает нормам международной жизни, это еще и выгодно: выгодно как нам так и им.

У любого народа соотечественники, живущие за рубежом, выполняют важнейшую функцию посредника, культурного медиатора. Широко известно, например, сколько пользы извлекает из сотрудничества со своей обширной диаспорой КНР. Для нашего государства,

деловые и культурные связи которого развиваются рывком после долгих лет некомпетентности и застоя, это было бы особенно важно. Разнообразное коммерческое посредничество, рекламные и консультативные услуги, акционерные общества, работа в зарубежных агентствах наших фирм, участие в совместных предприятиях как на территории СССР, так и за рубежом — для всего этого эмигранты, имеющие уникальный опыт жизни в двух мирах, подготовлены лучше, чем кто-либо другой.

Захотят ли они сотрудничать с нами? Ответить за них мы не можем. Но ясно, что многие эмигранты продолжают жить интересами страны, которую покинули. Было бы целесообразно провести социально-психологическое исследование этих проблем. Это могли бы взять на себя наши общественные организации, такие как Советский комитет защиты мира и общество «Родина».

Многие из наших соотечественников, живущие и работающие в западных странах, своим присутствием, квалификацией, деловыми связями разрушают «образ врага» более эффективно, чем некоторые пропагандисты. Нельзя сбросить со счета и тот факт, что профессиональная деятельность части наших соотечественников состоит в анализе истории и современного состояния советской науки, культуры, экономики. И, кстати, их суждения, позитивные или критические, интересны не только Западу, но и нам.

Некоторые вещи со стороны виднее. Эмигранты видят мир в необычном для нас ракурсе. Их точка зрения должна найти свое место в плюралистическом спектре наших мнений, занять нормальную позицию в общественном диалоге. Разве не интересно было бы нам, обсуждая проблемы народного образования, узнать позицию соотечественника, многие годы преподававшего в университетах США? Диалог с ним был бы более продуктивен, чем разговор с американским экспертом. А уж недельная работа Юрия Любимова на Таганке дала явно больше, чем приезд любого зарубежного режиссера.

Пожалуй, настало время для создания совместных общественных организаций, куда входили бы как граждане нашей страны, так и те, кто из нее уехал. Нельзя забывать, что многие наши соотечественники имеют негативный опыт взаимодействия с государством. Участие в таких обществах позволит и им, и нашим гражданам преодолеть понятную настороженность и снять лишние эмоции. А учитывая особую историю взаимоотношений соотечественников, можно быть уверенным в том, что работе этих обществ не грозил бы формализм, который характерен для деятельности наших многочисленных обществ дружбы. Можно было бы использовать такие оправдавшие себя в народной дипломатии формы, как поездки друг к другу в гости, «обмен детьми» на время каникул, совместные дискуссионные клубы и т. д.

Но надо понимать и то, что определенная тревога и консерватизм характерны для обеих сторон этого потенциального диалога. Поэтому как можно быстрее нужно познакомить эмигрантов с новыми реалиями нашей жизни, ее формирующимся разнообразием и независимостью личных позиций. Пора снять и все формальные ограничения на сотрудничество с людьми, покинувшими Советский Союз.

Необходимо сказать и о еще одном серьезном препятствии, которое стоит на пути развития отношения с диаспорой. Это не высказываемый, но, к сожалению, широко распространенный предрасудок, согласно которому снятие барьеров и знакомство с жизнью эмиграции повлечет за собой массовые отъезды. За этим стоит не логика и научные прогнозы, а неуверенность и разочарование в собственной стране. Носителями такого чувства зачастую являются те, от кого зависит принятие соответствующих решений. Опыт многих государств показывает ложность этого предрасудка — ни одна страна с открытыми границами не лишилась существенной части своего населения. Для нас же достаточно одного простого факта: мы не уехали.

ЕВРЕИ И «...ВОПРОС»

Демократизация нашего общества, утверждение ее принципов в максимальной полноте вынесли на свет огромное количество проблем, которые в представлении тех, кого они непосредственно затрагивают, как раз и являются веществом демократии. Очень часто это так и есть. Но столь же нередко эти самые проблемы нас либо озадачивают, либо вызывают чисто инстинктивную неприязнь. Одна из таких осязаемо неприятных тем — еврейский вопрос. Даже обозначение его выдает нашу уклончивость ведь «еврейский вопрос» — это вопрос о евреях, поставленный самими евреями...

Наверное, историкам долго еще предстоит разбираться в хитросплетении причин, приведших к неразберихе преудбеждений, заквашенных на религиозной и национальной почве, где невежество чисто «бытовое» соседствует с откровенной мистикой, отголосками древних философских концепций и новоизобретенными мифами. Список этих компонентов все равно недостаточен для скольнибудь полного объяснения сегодняшней ситуации. А в ее основе — то, что можно назвать пробуждением национального самосознания советского еврейства и его обращением к своим проблемам, которые кстати, недалеко отстоят от общих проблем малых этносов нашей страны.

Всплески действия, «инициативы снизу» — как, например, идея создания Еврейской культурной ассоциации, призыв к сформированию общества дружбы и культурных связей с Израилем и тому подобные вызвали настороженность и попытку вогнать их в какие-то уютно-привычные рамки формальной структуры нашего общества. Оставим пока в стороне крайности, одна из которых — антисемитизм, а другая — еврейский национализм. Но что между крайностями?

Да, наверное, те самые мотивы которые у одних вызывают стремление воссоединиться с «землей обетованной», пусть даже очень большой ценой, у других — желание быть евреем именно в этой стране, которую называешь роди-

ной, и культуру свою возрождать открыто, в общей культурной палитре государства. Как-то так получилось, что довольно сложный комплекс процессов и конкретных их проявлений терминологически закрыт в убогом наборе стереотипов: антисемитизм, шовинизм, сионизм... Далеко не всегда, «наклеив ярлычок», вносишь ясность. Сейчас одна из самых острых проблем, которые продуктивно питают пропаганду Запада, это проблема отказников. Причин отказа в выезде из страны всего две: если будущий эмигрант является, с точки зрения правительства, носителем государственных тайн, или если против его выезда возражают члены семьи. Но «отказники», находясь в абсолютном меньшинстве, задают тон (и подчас довольно скандальный) очень многим мероприятиям еврейской общины.

Я помню очень неплохо организованную встречу, посвященную 40-летию образования государства Израиль, в подмосковном лесу близ Вялок. Было все превосходно — и удобно оборудованное место для «национального пикника», с выдумкой составленная программа. На лесной поляне звучали удивительно мелодичные еврейские национальные песни. Много интересного было и в лекциях по истории еврейского государства. Но там же, в выступлениях, в интервью прозвучал ряд требований, повторенных и на следующей подобной встрече: гарантии возможностей развития национальной культуры, создание еврейских организаций, таких, например как еврейское историческое общество, общество любителей еврейской музыки, «легализация» еврейского музея и библиотеки, открытие еврейских школ, выпуск литературы на иврите. Поражало, однако, что выступали с этими, в общем, умеренными и конструктивными предложениями люди, практически уже порвавшие с нашей страной.

Вот, например довольно упорный отказник Юлий Кошаровский. Ему давно уже не разрешают выехать, но в конце концов он своего, видимо, добьется. От него на этих встречах исходило предло-

жение создать общество дружбы с Израилем. Лицемерие? Думаю — нет: это убеждение человека, и оно не направлено против нас. Тогда, может, начнем относиться к этому спокойнее? Это поможет нам, наверное, по-другому взглянуть и на столь «странное» сочетание отказа и проблем развития еврейской культуры. Не столь уж оно и странно, если принять во внимание, что долгие годы говорить о возрождении еврейской национальности в этой стране мог позволить себе только тот, кому и терять-то больше было нечего. Статус «отказника» приравнивался к асоциальному элементу. Вот и оставалось этому «элементу», вытесненному на обочину общества, утешение и опору для себя искать в организации кружков по изучению Торы или юридического семинара по проблемам «отказа». Ветеранами «отказа» вдохновлялось и развитие преподавания иврита, и изучение истории иудаизма, организация групп «второго поколения» — детей, подающих заявление на выезд независимо от родителей, не могущих выехать.

Не уверена, так ли уж ценны все формы еврейской «отказной» самостоятельности. Но чем вызван запрет и недопущение изучения языка, истории, литературы? И может быть, именно такая обстановка гонения и сформировала некоторые неприглядные крайности еврейского движения сегодня, подобно ориентации исключительно на гласность западную. Разве совсем еще недавно не говорили возмущенно по каждому случаю проявления социального несогласия, вплоть до эмиграции: «и чего ему надо?» Причем, ответа не ждали и не ждали. Выехало 250 тысяч, — туда им и дорога! Значит, не ценили, что имели. Да нет, не все так просто. Стоило бы разобраться в причинах, заставляющих человека писать заявление в ОВИР. По-ра, во всяком случае.

Национальное культурное движение евреев, именуемое «еврейским вопросом», давно уже нуждается в серьезном обсуждении, и не только на лесных встречах. Перечень тем для такого обсуждения довольно внушителен. В него входят и условия для развития национальной культуры во всех ее проявлениях — от религиозных праздников до серьез-

ных научных работ, посвященных данной национальности, и необходимости государственного противоядия антисемитизму, и многое другое. Как ко всему этому подойти? Отмахнуться (как это происходило раньше и происходит сейчас) напрямую, отмахнуться завуалированно, обещая что-то в будущем? Или всерьез заняться решением этих проблем тем компетентным органам, которые для этого и созданы?

Вот я лично — убейте, не понимаю, что мешает немедленному созданию Еврейской культурной ассоциации? Ведь необходимость подобных образований, особенно для народа, лишенного своей государственности в рамках этой страны, подчеркнута даже в резолюциях партконференции. Или, может быть, здесь точнее спросить — кто мешает? У инициатора этого движения сотрудника Института этнографии АН СССР Михаила Членова этот «кто-то» в одном из интервью был назван обобщенно «средний бюрократический уровень». История хождения по мукам организаторов Ассоциации характерна для многих инициатив, относящихся к области общественной самостоятельности. Собрание учредителей ее, назначенное на 15 мая этого года, не смогло состояться только из-за отсутствия зала. От предоставления помещения, предварительно согласившись и даже получив деньги за аренду, последовательно отказались три московских клуба, сославшись на какие-то смехотворные причины. А в летнем кафе «Грот», куда отчаявшиеся организаторы привели собравшихся людей, дипломатически «сломался» водопровод. В результате, собрание учредителей Ассоциации прошло в этот день на частной квартире, и провозглашение Ассоциации так и не состоялось. Интересно, чья рука заправляла всей этой оргией «отказа»?

Сейчас инициативная группа за свой счет выпускает в самиздате «Еврейский информационный бюллетень». Периодичность выхода — раз в две-три недели, тираж в зависимости от возможностей, обычно около сотни экземпляров. Я читала его. С журналистской точки зрения — средненько. Информация — разная, в том числе и интересная. И опять не пойму, почему его нельзя хотя бы один раз в месяц издавать «ле-

гально», пусть и не за государственный счет? Кстати, уверена, что в этом случае и уровень его, и даже направленность иных материалов существенно бы изменился. Не убеждена, что надо немедленно организовать выход книг на иврите. Но выяснить, какая в них потребность, стоило бы.

Короче, есть проблемы. Есть серьезные, есть надуманные. Есть такие, которыми давно пора бы заняться. Есть пустяковые. Но все они исходят из одного факта: в Советском Союзе существует еврейская национальность. Здесь живут евреи, желающие приобщиться к своей культуре. До сих пор считается, раз имеешь административное образование — республику, область, — нечего и требовать чего-то, приобщайся к культуре и языку там, где твои земляки и правительство. Но ведь в нашей стра-

не почти 55 миллионов людей живут вне границ своих национальных образований! И крупные города — Москва, Ленинград, Киев, — вместилища достаточно разноплеменного населения, чтобы быть к его национальным нуждам элементарно внимательным. Возвращаясь к теме еврейского вопроса, хочу подчеркнуть, что в Еврейской автономной области, так уж получилось, проживает меньшинство евреев Советского Союза. И считать факт создания этой области кардинальным вкладом в решение еврейского вопроса, сдается, в наше время нельзя. Самое худшее, что может сегодня быть — это делать вид, будто проблема со временем сама разрешится. Практика показала — национальные проблемы со временем не решаются, а только обостряются.

Ю. ПЕЛЕХОВА.

Альтернатива

У Ильи Репина есть картина «Крестный ход в Курской губернии». На ней реалистически показано стремление наивных верующих людей изменить ход процессов в Природе организованным шествием и песнопением. Абсурдность такого способа борьбы с засухой очевидна. Может быть, этим подтекстом данная картина производит на меня лично очень глубокое впечатление.

Сегодня вполне очевидна угроза тяжелой болезни нашей пронизанной милитаризмом цивилизации. Это следствие многофакторной эволюции человечества. Однако вместо раскапывания корней милитаризма, мы часто ограничиваемся разного рода «крестными ходами». В случае конфликта, как не раз бывало, все это в один миг пойдет прахом.

Борьба за самосохранение — это не простое оттягивание сроков очередного конфликта, а мир — это не просто отсутствие войны. Настоящая альтернатива войне заключается в выявлении порождающих ее причин и вообще причин нестабильности существующей цивилизации. Копать нужно здесь, хорошо понимая, что одного благого пожелания для этого мало. Нужны глубокие знания причин и следствий.

Истоки милитаризма связаны с античностью и нашли богатое отображение в богатырском эпосе, имеющем много сходного у всех народов. Поскольку действительная Природа людям тех времен была неведома, в ней действовали, наряду с обычными людьми, боги, управляющие силами. В соответствии с этим, античный эпос, например греческий, в изобилии наполнен мифическим элементом.

Согласно этому эпосу, дошедшему до нас в виде поэм Гомера, действительность развивается одновременно в двух планах — человеческом и божественном. Все на земле происходит якобы не по вине самих

людей, а по воле богов. Именно они разжигают в людях нездоровые зоологические страсти и заставляют их убивать друг друга. Получается все так же, как в «Крестном ходе» Репина, где засуха — от Бога, а невежество не есть личная вина малообразованных людей.

Вместе с тем, люди — именно жертвы собственного невежества: гребутся не песнопениями заниматься, а дружно трудиться в требуемом жизнью направлении.

Когда война гитлеровского рейха сузилась до небольшого плацдарма, в пределах которого прятался в подземном бункере Гитлер, его «интеллигентный» министр Геббельс показал ему два гороскопа: один, составленный 9 ноября 1918 года, в день свержения в Германии монархии, а второй — 30 января 1933 года, то есть в день захвата власти нацистами. И диктатор вполне серьезно искал в них возможные «счастливые знамения» для исхода бесспорно проигранной авантюры.

А. Беверидж, сенатор США, тоже находился во власти эпоса, когда провозглашал: «Бог избрал американцев, дабы окончательно переkreпить мир». Сказано это было еще в 1900 году, но дух героического эпоса и по сей день силен в «крестоносцах» Нового света. Примеры можно продолжать до бесконечности. Все они говорят об одном: милитаризм питается невежеством, которое сидит глубоко в структуре человеческого самосознания. Исправить такое самосознание с помощью «крестных ходов» невозможно.

Отсюда следует простой и ясный вывод: борьба с милитаризмом — это позитивное и хорошо организованное, систематическое развитие нового нравственного мышления в каждом, отдельно взятом человеке. Мало мир крепить беззаветным трудом (плоды которого, кстати заметить, очень даже просто исполь-

зывать на прямо противоположные цели). Его нужно **созидать** на уровне морального выбора, который может быть в наш аналитический век надежным лишь в том случае, когда он мотивирован единственно верным, научно-правильным пониманием Природы и объективно места в ней человека и человечества.

Невежественно мыслящие милитаристы продолжают жить в мире, которого уже нет. Экспансии объективного человеческого **духовного** прогресса они противопоставляют **силовую** агрессию. Между ними существует та принципиальная разница, что прогресс находится в общем русле истории Природы, а агрессия — вне его. Отсюда происходит отторжение людей и всей нашей цивилизации, пронизанной милитаризмом, от Природы. Она проявляется

«Писграм» (Канада)

в двух главных видах: угрозе термоядерного самоуничтожения и всеобщем геозекологическом кризисе. Наверно их просто сопоставлять, даже ставя по важности одно после другого. На самом деле — это одно явление, как бы развесистое дерево, у которого корни — геозекологический кризис, а крона — тень термоядерного апокалипсиса, под которой все мы живем. В середине — ложные цели и ошибочные устремления изживающей себя технократической цивилизации.

Самым действенным оружием против милитаризма, как атавистической структуры самосознания людей, является выработка нового **геозекологического** мирозерцания и самосознания. Оно от милитаристского отличается тем, что исключает эпос и рассматривает Природу и человечество в их полном объеме, в естественной исторической и физической взаимосвязи.

Чтобы оно могло появиться и стать орудием самоспасения людей от последствий собственного невежества, им необходимо научиться самому главному: **понимать природу и человека такими, как они есть, без всяких посторонних прибавлений эпического толка.** Такое точно выверенное мировоззрение, которое уже может создать современная наука, станет той одной на всех правдой, которую мы в себе ощущаем, но только выражаем ее по-разному. Если мы начнем более организованно трудиться в этом направлении, мы сможем создать принципиально иную антимилитаристскую цивилизацию, свободную и от устаревших корней, и от кроны указанного дерева. Я в этом убежден.

А. САДОВСКИЙ,
кандидат геолого-минералогических наук,
г. Магадан.

Появление на страницах этого журнала интервью с теми, кого еще недавно в советской прессе называли антисоветчиками, — отрадно и закономерно. Лариса Богораз и Сергей Ковалев — люди высокого внутреннего долга и большой судьбы. Среди тех, кто вышел 25 августа 1968 года на Красную площадь, защищая перед историей честь нашей страны, была Лариса Богораз. Она — жена Анатолия Марченко, погибшего в Чистопольской тюрьме в декабре 1986 года. Сергей Ковалев — один из редакторов информационного бюллетеня «Хроника текущих событий», именно за это он провел 12 лет в лагере и ссылке.

Читатель увидит в интервью Богораз и Ковалева нравственное достоинство и убежденность.

Академик А. САХАРОВ

18 августа 1988 года

БЕЗ БАРРИКАД

Беседа с Ларисой БОГОРАЗ и Сергеем КОВАЛЕВЫМ

Подытоживая свои впечатления от Москвы, Президент США сказал на пресс-конференции: «И, наконец, я был тронут моими беседами с различными гражданами Советского Союза. Монахи Данилова монастыря, диссиденты и «отказники», писатели и деятели искусства, студенты и молодежь вновь доказали, что в этой стране дорожат духовными ценностями» («Известия» от 2 июня 1988 года).

Слова эти меня задел и удивили. Монахи, «отказники», комсомольцы — что у них общего? Как можно ставить их в один ряд советских граждан? Разве, например, я, будучи от природы законопослушной, не являюсь зато и более советской, чем любой диссидент?

«Это предатели Родины», — ответили мне одна домохозяйка, один корреспондент молодежного журнала и один продавец.

«Они — святые», — сказал мне один младший научный сотрудник. Что касается духовных ценностей, то что они такое, не знал решительно никто. Кроме, разумеется, Рональда Рейгана. И тогда мне оставалось обратиться с вопросом к самим диссидентам...

Корреспондент. Так кто же вы — «западники», изменники, экстремисты? По-

литическая оппозиция? Или и впрямь — герои?

Лариса Богораз. Предрассудок таков: вот власть — а вот противники власти. То есть мы, правозащитники. Именно это представление о нас бытует в прессе и в обществе. Его разделяют даже те, кто о нас хорошего мнения: вот, мол, герои, которые не жалели себя в борьбе с властью! Увы, таков образ инакомыслящего — образ, но не живые люди.

Сергей Ковалев. Когда современные «неформалы» впервые решили встретиться со мной, они обставили эту встречу полуконспиративно, со всевозможной таинственностью. При дальнейшем общении я выяснил причину этого: мы, прошедшие через суд и заключение, были для них заведомыми экстремистами, людьми, органически не способными ни к каким компромиссам. Вот и вы, наверное, думаете про себя: «Неужели за какую-то статью человека могли арестовать? Быть такого не может! Уж если за статью, то в этой статье, наверное, такого понаписано...»

Корр. Я могу уточнить свои чувства. Главная причина осторожности — ваши постоянные обращения за поддержкой на Запад. Это совершенно необычно для советского человека, ведь нас

учат. «У советских — собственная гордость», а там за границей — враги, антисоветчики...

С. К. Да, это привычная для нас претензия — общение с иностранцами, с западными корреспондентами. Конечно, за рубежом тоже есть люди, которые делают политику и делают ее подчас недобросовестно (здесь наша официальная пресса бывает права). Но есть и огромное число людей на Западе, которые умеют чувствовать чужую боль...

Л. Б. Вот и наши газеты часто сообщают о разных несправедливостях на Западе. Ясное дело, такие сообщения всегда имеют в виду пропагандистскую цель. Мне она не важна, но я иногда чувствую, что информация обращена ко мне лично! А значит, и за границей есть люди, которым небезразлично, что у нас делается. Году, наверное, в 1982 я познакомилась с одним корреспондентом из Голландии. Я его спрашиваю: «У вас же своих проблем хватает — зачем вам еще наши?» Меня поразила ответ. «Я, — говорит он мне, — сам бывший участник Сопровитвления и потомственный социалист: дед, бабка, все мои родители — социалисты. То, что у вас происходит, тоже зовется социализмом. Значит, и я за это отвечаю!»

С. К. Хотите узнать, как я преодолел страх перед заграницей? У нас ведь тоже был этот барьер. Но вот я читаю в газетах: «Весь советский народ гневно осуждает...» — а я это вовсе не осуждал. Или вот, от моего имени пресса «единодушно поддерживает» решение о вводе войск в Чехословакию — а я? Раз «весь советский народ», значит, и я — а я не хочу, чтобы на мне это висело. Я думаю, может быть, если бы я был много лучше, чем я есть, случившееся не произошло бы?

И тогда я говорю «нет». Моим именем не клянитесь, говорите за себя. А я стану говорить за себя. Я хочу думать независимо, я хочу говорить собственными словами — причем тут государственная граница?! Когда человек говорит то, что думает, он говорит для всех. Если это не публикуют в наших газетах, пускай публикуют в чужих.

Тут еще один важный мотив, который только сегодня начинает осознаваться, а вызревал он еще тогда, в 60-е годы: что проблемы наши, вообще говоря, глобальны, а не локальны. Что во всем мире, собственно, одни и те же проблемы. Пускай у нас эти проблемы выражаются в более резких и уродливых формах, но они те же по сути, что и на Западе.

Не бывает чисто внутренних бед! И тем более нет локальных решений для всего, чем мучаются на Востоке, на Западе, в развивающемся мире. В особенности же права человека — не «внутреннее дело» государств. Тут необходимы совместные подходы. Иначе для чего нужны были хельсинкские соглашения? И для чего вообще Устав ООН?

Когда приходило осознание всего этого, оказывалось, что говорить об этих вещах необходимо не только с властью собственного государства, не только с соотечественниками — с каждым человеком в мире. И психологическое табу, запрещавшее «жаловаться врагу», утрачено силу. Но поначалу, повторяю, было оно у всех нас.

Л. Б. Мы обращались на Запад и с практической целью, чтобы через них обратиться к нашим согражданам. А как было иначе это сделать? Газеты не печатают. Власти не реагируют, разве что — с работы гонят...

С. К. ...А потом уже возникала другая прагматика, с политическим оттенком. Правозащитники увидели, что заступничество Запада, к сожалению, более весомо для наших властей, чем апелляция собственных граждан.

Л. Б. По нашему делу — демонстрация на Красной площади в августе 1968 года — судили пятерых. Павел Литвинов, Константин Бабицкий и я получили ссылку, потому что наши имена уже были известны. А вот двум молодым, но неизвестным на Западе людям — Дремлюге и Делоне — дали лагерный срок ровно за то же самое.

С. К. Самый яркий пример здесь — судьба Андрея Дмитриевича Сахарова. Когда иные из его соавторов давным-давно были арестованы, он ни разу даже не был допрошен. Зато под конец с

Сахаровым поступили на редкость незаконно — без всякого следствия и суда, он получил бессрочное уголовное наказание в виде ссылки под фактическим домашним арестом.

А. Б. В общем, всегда удобно изобразить нас изменниками Родины за связь с границей. Но перед тем, в 40-х — 50-х годах, «изменниками» клеймили тех, кто тайно изучал подлинные произведения Ленина. Хотя это и было не так удобно, неудобства всегда преодолевались, исходя из правила: кто не с нами, тот против нас!

Корр. Вы всего лишь были не с «нами», и этого оказалось достаточно, чтобы стать «отщепенцами»?

С. К. Да. Демократическое движение 60-х — 70-х годов не было политической оппозицией, и определялось прежде всего нравственным импульсом, импульсом независимости. «Я не могу этого стерпеть. Я не могу смолчать. Если вы так делаете — делайте без меня! Я стану твердить об этом вслух, даже не рассчитывая на результат». Какая здесь политика? Политическая акция всегда рассчитана на практический результат. Кстати, в отношениях с неформалами наши роли быстро переменялись. Эти молодые ребята, еще недавно проявлявшие при виде нас такую опасливость, сегодня ставят чисто политические вопросы. В сравнении с нами, они — политики, чуть ли не революционеры. Мы не были ни тем, ни другим. Не были и не являемся.

Корр. До сих пор? Разве то, чем вы занимались не было видом политической деятельности?

С. К. Я искренне надеюсь, что нет. Впрочем — смотря что называть политической. Я помню время когда «политической» было посчитать количество хромосом в клетке!

Ядром нашего демократического движения было обращение к праву. К философии права, к языку права. И на этом пути были сделаны некоторые открытия, новые для российской интеллигенции. Интеллигенция вечно отличала себя от народа и вечно ощущала из-за этого вину перед ним. Шла борьба, и в этой борьбе интеллигент считал своим долгом выбрать место у баррикады: тут

или там. По ту сторону или по эту. «За красных» или «за белых».

Но как совместить этот выбор с независимым взглядом на вещи, свойственным интеллигенту? Как взглянуть «поверх барьеров», не отказываясь от гражданской активности? Интеллигенция в России не находила иных путей, кроме безоглядного участия в схватке. Среди революционеров, среди политиков, среди активных противников власти всегда оказывались самые нравственно неравнодушные. Но они выбирали место за баррикадой — и отрекались от всякой независимости. А дальше их вела логика борьбы, трудносовместимая с бескорыстными поисками истины.

Мы отказались от выбора стороны. Мы выбрали независимость.

А. Б. Инакомыслящие не имели цели выработать новую идеологическую или политическую доктрину, переменить правительство и государственный строй. «Уважайте свои собственные законы!» Это говорил еще в 60-е годы Александр Есенин-Вольпин, участник нашего движения. Он хорошо знал законы. А вот писатель Андрей Донатович Синявский, арестованный в 1965 году вместе с поэтом Юлием Даниэлем, не знал законов. Глубоко внутри его было чувство: «Я имею право быть другим». Он так и говорил судьям: «Вы судите меня за то, что я — другой». Это другая форма того же правосознания, той же философии независимости. Или рабочий Анатолий Марченко. У него было природное чувство, что гласность — основа общественной жизни. И он написал книгу, не спрашивая, разрешено это или нет.

Корр. Разве занятие политической деятельностью противозаконно?

С. К. Разумеется нет: право на политическую деятельность — одно из прав человека. Но лично мне и некоторым из хорошо мне известных правозащитников свойственно неистрабимое интуитивное отвращение к политике. Ведь политическая борьба — это борьба за власть. А что значила борьба за власть в условиях, которые нас окружали, вы легко представите. Заговоры плести? Звать к революции, утверждая, будто я «знаю, как надо»? Ведь на революцию не подымешь иначе. Помните, А. Галич пел: «Не

бойся тюрьмы, не бойся сумы, не бойся мора и глады, а бойся единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо!»

Вдумайтесь, что значит любая революция с точки зрения права? Некто обиженный, угнетенный или просто считающий себя таковым, устанавливает справедливость вокруг себя. Как он это делает? Он сам судья, сам и судебный исполнитель. Дискуссии сторон — нет! Нет арбитра! Нет места праву вообще! И тут возникает вопрос, есть ли альтернатива такому ходу вещей? Оказывается, альтернатива есть. Альтернатива — это правовое государство. Это государство, в котором закон неизмеримо выше власти. Власть так же подсудна закону, как и любой гражданин. Гражданин и государство — просто равноправные стороны в конфликте, который решается независимым арбитром от имени закона, властью закона.

А. Б. Создание правового государства означает смену типа общественного развития. Вместо революционного пути — эволюционный, путь реформ. Путь компромисса, при котором интересы разных групп всякий раз соразмеряются и приводятся к некоему равновесию.

Это далеко от реальности? Да. Но путь к этому я видела ясно. Я точно знаю, что мне необходима независимость, и я знаю, что имею на это право. Это записано и у нас в Конституции. Это записано в международных актах. Но даже если б не было записано — что с того? Не может быть такого закона, который может лишит меня этого моего свойства — быть независимой. Как нельзя меня сделать выше или ниже указом правительства. Если я стану просить у государства: дайте мне мое право, — оно, скорее всего, не даст. Может не дать. И почему оно вообще должно мне что-то давать?

Я не требую, не прошу, не жалуясь — я говорю, мне это необходимо. Я не могу иначе. И за это я готова платить дорогую цену.

Корр. Вы полагаете, путь к правовому государству лежит через личную независимость каждого гражданина? Путь к самому себе?

А. Б. Я думала, что этот путь будет трудным и долгим, но пример начавших его станет соблазнительным. Оказалось,

что независимость нужна многим и многие готовы за это платить. И в пресловутой «период застоя» возникли очаги высокого духовного, нравственного поддъема. Правовой подход исподволь становился частью общественного сознания.

Если это интервью будет опубликовано, я бы хотела, чтобы то, что я сейчас скажу, осталось в нем непременно. Через месяц после того, как я посмотрела открыто идущий по стране фильм «Покаяние», погиб в тюрьме Анатолий Марченко. И понимаете — при том, что смерть его трагична, предшествовавшие события вызвали у меня ощущение, что умер он не напрасно. Что его жизнь завершилась, завершая некий этап и этим открывая следующий. Для меня во всяком случае, это связанные вещи. Многие говорят, что смерть Анатолия ускорила амнистию, открывшую для инкомыслящих ворота лагерей. Может быть, это в каком-то смысле так и есть. Будто какой-то писатель, очень талантливый, все это придумал; и жизнь Анатолия, и его смерть. Это была совершенно завершенная жизнь. Как написанная, как сочиненная. Может быть, действительно сочиненная, я не знаю...

С. К. И даже конец был как тоже необходим. Конец этой жизни входил в дело этой жизни.

Корр. Итак, ситуация изменилась. Идея правового государства стала официальной политикой. Начался новый этап — какой? Что нам делать?

С. К. Теперь, в это сложное, чтобы не сказать — смутное время, на первое место выходит **ответственность**. Как и независимость, это понятие нравственное. Ответственность за возможные последствия наших действий. Безответственность — взрывоопасна. Чтобы избежать ее, надо твердо выбрать путь права.

Право — это веками отработанный механизм честного разрешения противоречивых интересов. Это механизм умиротворения. Интересы людей исходно равноправны, а в случае их конфликта пустой решает независимый арбитр — закон. Независимый суд именем закона.

Но закон — не все, должно развиваться, воспитываться общественное правосознание. И на этом пути сегодня, как никогда, важна истинная консолидация

общества. В этом мы согласны с Горбачевым. Но я говорю о культурной консолидации, а не о лицемерной колонии «единомышленников» под одним лозунгом. Страна, наконец, должна понять, что согласно и совместно могут действовать люди, думающие по-разному и не прячущие своих мыслей. Стране нужно честное согласие **воединомышленников!**

Здесь нужно преодолевать и некоторые старинные «антипатии» русского интеллигента — например, его отвращение к компромиссам. Идея консолидации в том виде, как мы ее себе представляем, исходит из того, что не всякий компромисс «бесчестен». Что ответственное отношение к делу требует взаимопонимания разномыслящих слоев, рассмотрения разных вариантов конструктивного поведения.

Корр. Но взаимопонимание может потребовать и взаимодействия. Вас не смущает возможность совместных действий с бывшим противником?

С. К. Правозащитное движение 60-х—70-х годов вовсе не отвергало взаимодействия. Некогда Сахаров и Чалидзе предлагали консультировать правительство по правовым вопросам. Правовой подход исходит не из противостояния сторон, а из их равенства, следовательно — из взаимного признания каждой стороной статуса другой. Я гражданин, вы власть, несогласие не есть неуважение. Я только утверждаю, что гражданин может быть несогласен с властью, имеет право на это и может

даже рассчитывать на победу в споре, если закон и истина на его стороне.

Но взаимодействие может быть и более плотным. Включая и поддержку власти, и согласие с властью во многих пунктах. В том, в чем я согласен, я готов добросовестно сотрудничать. Иногда приходится слышать, что готовность к сотрудничеству — это измена позициям, чуть ли не «коллорационизм». Ничего подобного: это продолжение правозащитной позиции. Мы ступаем на путь конструктивных поисков, мирного диалога. Но общество должно понимать, что некоторая консервативность присуща самой природе власти, более того — это очень важное положительное ее свойство. Если угодно, — власть и должна быть несколько консервативной! Это придает государству стабильность, предохраняет его от резких бросков в стороны. В такой гигантской стране инерция неизбежна, и, я считаю, — необходимо. Именно такое понимание может быть одной из основ культурной консолидации общества. Должно выработать понимание неизбежности борьбы мнений — мирной, ненасильственной борьбы. И нормальное, естественное к ней отношение, поиск конструктивных решений...

Механизм такой мирной регуляции обязательно будет в чем-то неудобен каждой из сторон — это свойство демократии. Свойство уже появилось, его ощущают все. Со временем сложится и механизм.

Беседу провела Алла ГЛЕБОВА

*На нашей обложке: фотографии с первого московского конкурса красоты, материал о котором помещен в этом номере. Справа вы видите Оксану Фандера, обладательницу второго приза. А царицей красоты была объявлена Мария КАЛИНИНА (вторая страница обложки).
Фото Н. СТЕПАНЕНКОВА*

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XX^È SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

